

РЕВОЛЮЦИЯ

NEXT

ВЕРА ОГНЕВА

МЕНЯ
ЗОВУТ
I-45

Революция NEXT

Вера Огнева

Меня зовут I-45

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Огнева В.

Меня зовут I-45 / В. Огнева — «Эксмо», 2016 — (Революция NEXT)

ISBN 978-5-699-91628-3

Новый Рим жесток. Рай для патрициев и ад для бедняков, которым вместо имен присвоены номера. Восемнадцатилетняя I-45 – слепая из трущоб планеты Земля. Она многого не знает из своего прошлого. Не видит настоящего – грубоватого парня, который спас ей жизнь, – и не подозревает о том, что ждет ее в будущем. Пробуждение силы, из-за которой на I-45 начнет охотиться вся империя...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91628-3

© Огнева В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

I. Caligo	6
Исход	6
7—4	18
Энцо в глазури	30
Зрячая незрячего	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вера Огнева

Меня зовут I-45

© Огнева В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Артемию Дымову, без которого эта книга не появилась бы на свет.

Супругу – за безграничное терпение.

*Друзьям и коллегам Татьяне Богатыревой, Марики Становой и
Алексею Боблу – за неоценимую помощь в работе над романом.*

*И, разумеется, читателям за поддержку. Без вас литературный
труд лишается смысла и цели.*

I. Caligo

*И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити – нет.*
В. Брюсов «Нить Ариадны»

Исход

– I-45!

I-45 вздрогнула. Вынула руки из перчаток, встроенных в отверстия над конвейерной лентой, и повернулась на голос. Поначалу различала только размытые силуэты цеховых манипуляторов, за которыми светлели квадраты окон.

Их перекрыла плотная тень.

– Послушай, ты пропустила еще три штуки. Сборщицы жалуются. Мастер сказал, что он тебя предупреждал.

Она похолодела. Увольнение. На этот раз не отделается простым выговором. В голову сразу полезли ненужные мысли про остаток на счете. Про последнюю упаковку соевого мяса, которая лежала дома. Про оторванный ремешок на ботинке. Она чинила его столько раз, что конец превратился в бахрому.

Бригадир придвинулся ближе – ткань спецовки коснулась руки. Запахло табаком и лапшой с обеда.

– Сорок Пятая, таковы правила. Мне очень жаль, – добавил он тише. – Ты же знаешь, сколько народа в очереди на место.

Знала, еще как. Успела выучить к восемнадцати годам. Кандидатов хватало и без слепых номеров. Кому нужны молодые инвалиды?

Машины продолжали грохотать, выплевывая новые детали. Рядом безразлично шуршали перчатки соседки-сборщицы. Кисловатый фабричный воздух подхватывал звуки и уносил их куда-то под купол.

– Ты слышишь?

I-45 потянула маску с лица. Вышла заминка – волосы запутались на резинке; пришлось рвануть ее с треском. Больно получилось, но не это сейчас волновало. I-45 оттолкнулась от края стола, поднялась, задев бригадира плечом, и неверным шагом двинулась к выходу. От шока и ярости знобило.

Она представляла конец рабочего дня совсем не так.

* * *

Во тьме над головой взревел тяжеловоз.

I-45 вздрогнула и снова провалилась в грязь по щиколотку. «Через десять шагов поверните налево», – сообщили из наушника с программой-поводырем. Юпитер всемогущий, да эти десять шагов нужно было как-то пройти... Каждый день ходила одной дорогой и все равно забредала в канавы.

Она выбралась из рытвины, едва не оставив в ней ботинок. Землю вспахали сотни строительных машин. Они часто здесь ездили: мост расширяли в связи с проверкой из Сената.

Дома под мостом сносили, жильцов экстренно выселяли. Всюду лежали осколки камней – I-45 чувствовала острые углы даже через подошвы. Спотыкалась об останки снесенных стен.

По трассе над головой с ревом пролетали автомобили. Слышались эхо уличного оповещения и близкие голоса гуляющих соседей. Журчала вонючая речка – сточные воды с верхних уровней. С богатых верхних уровней с виллами, театрами и парками. И храмом. Малая ходила туда с мамой, когда та была жива. Там пахло благовониями и красиво пели, а на ступенях шептали паломники.

Жаль, I-45 не могла его видеть – слабовидящая с детства. Денег на операцию требовалось много, не скопить даже за две жизни.

А теперь не осталось работы.

И дом собирались сносить.

Вспомнив об этом, I-45 тихо выругалась и сунула ключ в древний, как сама империя, замок. Толкнула дверь. Та отъехала в сторону, заскрипела песком на рельсе. Плохая защита, но хватало и ее – домушники обходили контейнеры под мостом стороной. Брать в них все равно было нечего, только клопы и мутировавшие тараканы, которые прогрызали банки с соевой лапшой. I-45 провела чуткими пальцами по стене, нащупала выключатель и вдавила кнопку.

Стало светлее, появились очертания предметов. Пахло сыростью и тиной.

– Я дома, – она сказала по привычке.

Только зябкое молчание в ответ.

I-45 поджала губы. Отыскав стол, она положила связку ключей. Опустилась на табурет и устало ссутулилась.

С некоторых пор она осталась одна, и это угнетало. Каждый вечер одно и то же: сумрак, грохот с автострады и почти-голод – по человеческому общению и натуральной еде, которую нельзя заварить, «просто долив воды» из кухонного модуля. Холодная пустота, как космос.

И вот именно тем зябким вечером ее осенило: она могла перебраться в центральные курии планеты.

На заводе поговаривали, что там хорошо платят.

Что там чисто, никаких болезней.

Что даже за сервисное обслуживание мусороуборочных роботов начисляют больше, чем некоторым патрициям Десятой курии.

Вдруг у нее получится там устроиться? Найти работу, накопить на операцию по восстановлению зрения... К тому же она знала пару диалектов и немного из межгалактического, – пускай на слух, но знала же. И была обучена манерам, принятым у патрициев. Мама научила; когда-то работала на вилле одного богача.

Как хотелось перестать экономить и перебиваться с лапши на воду! Хорошо одеваться, жить в настоящем доме – не обязательно большом, но чистом и светлом. С удобной кроватью.

И получить имя.

I-45 даже задохнулась. Вот уж действительно несбыточная мечта. Патриции имели по три, а то и по четыре имени: личное имя, имя отца, имя рода, прозвище. Считались порядочными, образованными людьми; могли голосовать, носить оружие и покупать землю. Истинные граждане Старой Земли и империи Нового Рима. Высшая каста, недостижимая.

У самой I-45 не было даже прозвища. Просто Сорок Пятая. А как было бы здорово, назови ее кто-нибудь иначе...

Тем же вечером она собрала сумку, натянула лучшую майку и штаны. Нащупала ребристую поверхность чипа под кожей на запястье. Все необходимое на месте: голова, документы. И позитивное мышление, как учила мама. Нужно думать о хорошем, и хорошее непременно придет.

I-45 собралась с духом, закинула сумку на плечо и вышла в душную тьму под мостом.

Впереди ждала лишь удача.

* * *

Жар от сопла опалил ноги, и I-45 шагнула в сторону, судорожно вспоминая, что хотела сказать. Она ловила попутку битых полчаса, и эта машина была первой, которая остановилась. Темное пятно с тлеющими бело-желтыми точками. Шумное, даже воздух завибрировал.

– Куда едешь?

Мягкий голос, и это немного успокоило. Больше всего I-45 боялась, что к ней подъедет какой-нибудь пьяный номер на колыхаге. А этот говорил правильно и спокойно. Должно быть, патриций.

– В центральную.

– Далековато, – донеслось из салона.

I-45 упала духом.

– Но я могу подвезти до Восьмой.

Вот это другое дело! Дверь поднялась – воздух у лица всколыхнулся, – и I-45 нырнула внутрь.

– Сумку кидай назад, – велел водитель.

Назад куда? Она обернулась и растерялась – перед глазами плыла непроглядная тьма. Так бы и раздумывала, что делать, но сумку выдрали из пальцев. Она тяжело упала где-то в той самой тьме, за пределами досягаемости.

– Вот так.

I-45 кивнула расплывчатым очертаниям водителя и сцепила холодеющие пальцы на коленях.

– Не забудь пристегнуться.

Этого она точно не могла сделать, о чем сообщила сразу же. Водитель удивленно хмыкнул, но все же перегнулся и притянул ее к креслу широкой лентой, наискось по груди.

Он пах лавандой, а рукава его рубашки оказались такими же мягкими, как голос.

– Тяжело путешествовать, когда ничего не видишь?

I-45 вздрогнула, когда машина набрала высоту и скорость вдавила в сиденье.

– Непросто, – снова кивнула, гадая, куда смотрит водитель. – Но я же не совсем слепая.

– Как так?

Машина резко повернула. Сорок Пятую качнуло, и она едва не ударилась головой о дверь.

– Например, тень вашу вижу. Как руками двигаете. – Она повернулась к окну. Наверху, над автострадой тянулись линии городского освещения. Четкие в сером месиве. Яркие и, казалось, бесконечные. – Цвет, свет...

Иногда чувствовала импульсы электронных приборов: блокнотов, панелей управления на заводе, имплантатов, вживленных в тела людей... Но об этом она предпочитала молчать. Не говорила даже родителям, когда те были живы.

Сумасшедших номеров забирали легионеры, а I-45 совсем не хотела иметь с ними дело.

– С детства такая?

– Ага.

Водитель хмыкнул:

– Но тебя же встретят?

– Нет, я сама по себе. – Она бодро улыбнулась в ответ на удивленный возглас. Не любила жалость. – Ничего, я привыкла.

В машине воцарилось молчание. Водитель приоткрыл окно. I-45 зажмурилась, когда в салон ворвался ветер и сдул волосы со лба. Мимо проносились автомобили, что-то гудело, как линии напряжения под мостом.

Вскоре Десятая курия осталась позади. Смог ровней и высоток отступил, сменившись ночной свежестью. Многоголосый шум двигателей стих; лишь изредка мимо с жужжанием проносились машины, и воздух на миг приобретал горький химический привкус.

Спустя еще пару часов они остановились. Ветер задувал в окно, подвывал в тишине. Сломались? Неисправность? I-45 погладила шершавый подлокотник. Спрашивать не стала – не хотела показаться надоедливой. Может, водитель просто хотел облегчиться.

Ей тоже не мешало сходить в туалет. И поесть – живот уже сводило.

Она задумчиво вжалась лбом в охлажденное климат-контролем стекло, прикидывая количество часов езды до Восьмой курии. Можно было потерпеть и поесть там. Дальше поймать другую попутку или продать ту безделушку, что осталась от матери, и пересечь на...

Сильные пальцы вцепились в волосы на затылке. Не успела I-45 опомниться, как оказалась лицом вниз. Нос уткнулся в ткань штанов.

– Нет! Что вы делаете?!

Взвизгнула застежка, что-то царапнуло по лицу. I-45 ударила локтем – куда-то попала, но точно не в водителя, – и закричала, когда ее ударили лбом о приборную панель. На миг увидела мелкие кнопки с неизвестными символами, экран с данными, красные и зеленые лампочки. Одна из них часто пульсировала, как жилка на шее...

Затем ее снова нагнули во тьму.

Тьма пахла лавандой.

Кровь теплой струйкой затекла в рот.

Боль затопила густой волной. И стыд попеременно с паникой. Ничего не могла сделать.

Слишком слабая.

Слишком жалкая.

Стало душно, дурно, по телу пробежал ток. Мир растерял все звуки; их заменило пощелкивание, как хруст тараканьих лапок. I-45 вдруг почувствовала гибкую пластину имплантата в голове насильника – так явно, словно держала ее в руках. Пальцы кололо от сигналов, которые по ней бежали.

Такого с I-45 еще не случалось.

Она сжала кулаки, и водитель взвыл, словно его ударили. Приборы на панели машины запищали на разные лады, сменялись каналы радио, складывая безумную песню. I-45 вывернулась из захвата. Двинула локтем, но вместо потного лица попала в приборную панель. Локоть вспыхнул болью, за спиной щелкнуло, и в салон ворвался холодный ночной воздух.

Она оттолкнулась, выпала в пустоту за пределами авто и распласталась на песке. Едва успела увернуться, когда пятна сопел вспыхнули. Машина взлетела и выстрелила дальше по шоссе. Рев мотора стих вдали.

I-45 осталась в крошечной тьме.

Сумка. Сумка уехала вместе с патрицием, ларвы его заberi...

I-45 смяла пальцами песок и шумно исторгла остатки заводского обеда. Тыльной стороной ладони вытерла слезы, смешав их с кровью и слюной, и отключилась.

«До курии Девять... семь... стадий», – сказал «поводырь».

* * *

Энцо наткнулся на девчонку случайно. Отлей он парой сотен шагов севернее или южнее по шоссе, она так бы и вялилась на солнце. Лежала лицом вниз, раскинув руки с худыми, похожими на птичьи лапы пальцами. Вся белая, словно морозом крио выстуженная. Длинные волосы смешались с пустынной пылью, футболка в крови, локти ободраны, а на шее, под затылком... Он присел, подцепил волосы сухой палочкой и отвел их в сторону.

Как и думал, на шее темнел выбитый номер.

«I-45—10».

Мертвая баба. Чего только не найдешь в пустыне.

На всякий случай он приложил пальцы к белой шее и сел от неожиданности, когда девчонка подскочила и замахала кулаками. Энцо даже испугался за ее здоровье. Так можно было и плечо вывихнуть.

– Эй, эй, остынь! – Он поднялся и отряхнул зад. – Не собирался я ничего делать. Уймись.

Лицо I-45 опасно вытянулось; на лбу и под носом тоже засохла кровь, на скулах темнели синяки. Губы по-детски пухлые, бантиком. Кость тонкая, как у богатых девчонок с верхних уровней. И странный взгляд. Энцо шагнул в сторону, и I-45 повернула голову следом, распахнув глазищи с прозрачными ресницами. Она как сквозь него смотрела.

– Слепая, что ли? – Энцо махнул рукой у ее носа. I-45 зло отбила ладонь.

– Дорогу смогу найти.

Спотыкаясь, она затопала к раскаленному сотнями турбин шоссе. Восходящее солнце облепило худой силуэт лучами. Штаны были коротковаты, и из-под них торчали костлявые щиколотки. Горбились столь же костлявые плечи. Так же горбилась сестра. Энцо скривился, вспомнив. Будто вновь увидел ее живой, с той же мягкой улыбкой и полными, красивыми руками.

Он почесал подбородок. Шумно выдохнул и закатил глаза к марганцевому рассветному небу, проклиная свою сентиментальность.

– Сорок Пятая! Эй, малая, подожди.

Он догнал слепую в три длинных прыжка. Тронул за плечо, но она сбросила ладонь. Сжала бескровные губы, сверля Энцо напряженным взглядом. Упрямая. Он не любил таких.

– Ну постой же! Куда собралась, вслепую-то?

– Не твое дело, – огрызнулась она и пошатнулась от сильного порыва ветра.

Энцо снова оценил худые плечи, ноги с острыми коленками. Не дойдет же как пить дать. Не дойдет, а его потом совесть заест. Или кошмары с кишками по капоту.

– А может, мое? Давай провожу до ближайшей курии. Я иду в сторону Девятой.

Он махнул рукой, указывая на север – впрочем, прекрасно понимая, что жест остался незамеченным.

I-45 отставила ногу, готовая сорваться на бег. Ну как еще можно было ее убедить? Энцо подавил злость. Не хватало надавать слепой по щекам из добрых побуждений.

– Брата-номера бояться не стоит. Меня зови А-206. Или Энцо, так свои кличут, – рискнул он. За использование гражданских имен номерам грозило от трех до пяти лет, и он бы скорее сунул голову в турбину, чем вернулся в крио.

Но, хвала всем богам, девчонка не работала на легионеров.

– I-45, – ответила, все так же напряженно. Энцо кивнул. Вот и поладили. Хотя свою кличку она так и не сказала. Не доверяла, что ли? Или, может, не было у нее клички.

Он приложил раскрытую ладонь к ладони I-45 и пожал.

– Вместе безопаснее, – повторил и двинулся вдоль шоссе по утрамбованной ногами, протезами и годами тропе.

Солнце показало из-за горизонта раскаленный бок. Жара накатила, навалилась тяжким брюхом, несмотря на барьеры купола искусственной атмосферы. Энцо выдохнул, стер выступившие капли пота. Спустил сотню шагов обернулся.

Слепая ковыляла за ним.

* * *

К вечеру, когда жар сменился прохладой, они подошли к автостраде. Монолитный шум распался на росчерки отдельных машин. Рокот двигателей накатывал со спины и так же быстро

исчезал вместе с огнями сопел и фар. Одна машина пролетела слишком близко, и I-45 пошатнулась на воздушной волне.

– Девятая курия недалеко. Отсюда уже видно, – звучный голос перекрыл дорожный шум. Высокая тень Энцо замерла на фоне полос освещения: раскаленные добела линии прерывались очертаниями головы, темного облака волос и разлетом широких плеч.

I-45 снова почувствовала пленку чужого пота на коже. И вонь лаванды. К горлу подступила тошнота.

– По дороге будет заправка? – пришлось спросить. Терпеть больше не было сил. Но Энцо не ответил; молча взял за руку и потащил дальше.

У здания-коротышки в промзоне Девятой пахло химией и маслом. Машины глотали топливо, перекликались голоса. В отдалении что-то мерно стучало, напомнив звук упаковщика на заводе. Под куполом зоны ожидания болтали по коммуникаторам патриции. Вода шумела, разбиваясь о металлические бока.

– Смотри, куда прешь! – рявкнули из черной тени рядом. Звук гулкий, как из ангара.

I-45 вздрогнула и сжалась, готовая к удару. Сердце забилося чаще, понеслось вскачь.

Но злой голос лаял не на нее.

– Сам смотри, – рыкнули в ответ из той же тени. Магнитная подушка погрузчика перестала урчать, об асфальт звякнул металл, и кто-то шумно сморкнулся.

Похоже, марсиане. Номера с соседней планеты, почитатели бога Марса. Выполняли грязную работу, разговаривали бранью. Сильные и грубые, напичканные имплантатами.

– Что? Повтори что сказал, ушлепок!

Говорили, что боги обделили их интеллектом.

– У тебя что, на заднице глаза?..

Что они разорили Марс постоянными войнами и теперь кочевали по империи, плодясь везде, куда только пускали. Особенно на Старой Земле.

– Не видишь – я здесь стою! Не умеешь – не трожь пульт!..

Что многие из них любили драться и убивать, а самые сильные носили стальные ошейники.

I-45 встречала их редко и обходила десятой дорогой. От ненормальных фанатиков стоило держаться подальше.

– Эй! – вмешался еще кто-то с мягким, не имперским выговором. – Оба! За работу или вылетите в грязь!

Рабочие заткнулись, и гул погрузчика возобновился. I-45 вздрогнула, когда чья-то рука ухватила за локоть.

– Не тормози, – буркнул Энцо на ухо, – пока не прилетело.

Он направил ее в голубоватую прозрачную тень. Запахло мочой и окисленным металлом, под ботинками зашлепала вода. I-45 вытянула руку. Пальцы коснулись липкого пластика двери.

– Жду за углом.

Она кивнула и ступила в тесный сумрак. Хлопнула дверь, щелкнул автоматический замок, и шум заправки утих. В нос ударила вонь мочи.

Пару секунд I-45 просто стояла, опустив руки. Слушала, как рядом звонко шлепались капли, и не знала, с чего начать. Помыться хотелось целиком, но в кабинке туалета ей это не светило. Начинать стоило с малого.

Она сунула наушник с поводырем в карман, содрала майку и придвинулась к тусклому пятну света над умывальником. Протянула ладони, и на них с шипением полилась вода. Холодная. I-45 глубоко вздохнула и сунула голову под кран. В шею впились ледяные брызги – она чуть не взвыла. Вода под мостом и то была теплее.

I-45 пошарила по стене, ковырнула санитарного геля из углубления и намылилась им до пояса. Выпрямилась, ежась от влаги, что стекала по груди.

Стало легче, но ненамного.

Жаль, майку сменить было не на что. «Проще сжечь», – уныло подумала она, с омерзением оттирая и выжимая тонкую ткань. Натянула – или, скорее, налепила – ее на себя. Старалась не стучать зубами. Плохо, конечно, что она затеяла помывку вечером – солнце ушло, сохнуть предстояло долго.

Зато теперь она пахла химическим букетом геля, а не лавандой и чужими руками.

Путь к выходу из туалета оказался тернист: она приложилась головой, споткнулась и лишь после вывалилась из сырой вонючки в душный химический смрад и гул. Откуда-то из-за угла доносился знакомый уверенный голос. Энцо. Похоже, он говорил по коммуникатору: умолкал после каждой фразы и без особого терпения выслушивал ответы.

– Да обычная девчонка. – Он сдавленно кашлянул. – Что? Хорош, не лезь в бутылку. Белая, чистая. Номер с Десятой.

Он снова захмыкал на разные лады.

– Никого она тебе не распугает! Отмыть – так будет вообще красotka.

Щелчок зажигалки.

– Может, дня через четыре, если с экспрессом все прокатит. Высылай деньги, короче... Деньги?!

I-45 похолодела. Он что, продать ее собрался?! Вот влипла!

Дождаться окончания разговора I-45 не стала. Шустро зашагала вокруг здания в противоположную от Энцо сторону, пробралась между урчащих авто, измазав ладони и локти в холодной пене, и побежала к шоссе.

В какую сторону она неслась – к Девятой курии или обратно в пустыню, – она не знала. Не было времени надевать и настраивать «поводырь». Да и плевать! Куда угодно, только бы подальше.

* * *

Энцо скатал коммуникатор в трубочку и сунул его в пачку между сигарет. Подбоченился, расправил усталые плечи. Оглядел заправку и широкую ленту шоссе за ней. Пересчитал красивые и не очень тачки в очереди на заправку и помывку. Ему особенно глянулась «Кассиопея», похожая на хищного золотистого зверя. Когда-то давно Энцо довелось на такой прокатиться. Не за рулем – в багажнике, со жгутами на запястьях, – но ему понравилось. Быстро разгонялась, зверюга.

– Курить запрещено, – строго сообщили откуда-то из-под правой руки. – Тут на стене знак висит, даже марсианину понятно.

Энцо обернулся. Поднес сигарету к губам и сделал долгую затяжку, не сводя с рабочего сощуренных глаз. Тот оценил металлическую кисть, хромированные пальцы которой сжимали фильтр. Опустил взгляд на шею Энцо – на впадину над ключицей, где чернело набитое четырехзначное число. Количество дней, проведенных в тюрьме на орбите.

Может, догадался наконец, что перед ним тоже стоял не землянин.

– Хотя у туалета можно. – Он поднял руки в знак примирения. – Никто не увидит.

Энцо кивнул и вновь уставился на золотистую красавицу «Кассиопею». Ее владелец, холеный патриций, все трещал по коммуникатору. Закрепил его плоскую бляшку на ухо, а сам любовно расправлял манжеты рубашки. Этот педик не заслуживал своей тачки. Энцо сморщился и на миг представил себя в кожаном эргономичном кресле водителя. Как бы он разогнался над шоссе...

– А еще сигаретки не найдется? – Рабочий так и стоял под боком. Кивнул, когда Энцо протянул ему пачку. Щелкнула зажигалка, табачная трубочка, стянутая прозрачной плен-

кой, загорелась. Теперь они курили бок о бок, любуясь на чужую работу. Бесконечный помывочно-заправочный круговорот.

У дальней станции очистки возился уборщик-марсианин с покатым лбом и пигментными пятнами на буграх мышц. Он вытащил бак с отходами, открутил шланг, поднатужился, и запечатанный цилиндр наконец вышел из паза. Металлическое днище скрипнуло по асфальту. Уборщик забросил бак на платформу погрузчика, потянулся за лентами крепления, но замер. Обернулся и сцепился с Энцо взглядом. Принюхался – широкие ноздри раздулись. Оскалил крупные зубы.

– Опять нарывается. Таких издалека видно, кто они и откуда. Даже чип проверять не надо, – знающе цокнул рабочий.

Точно не понял, с кем говорил.

Энцо молчал. Его начинало тошнить от непрошенной трескотни над ухом. Скорее бы уже девчонка вернулась. «Малая» – так он окрестил ее про себя. Ей шло такое прозвище.

– Намучился я с ними. Тупые твари...

– У них язвы на руках. – Энцо проводил оранжевый жилет уборщика взглядом. – У тех, кто работает с отходами дольше пяти лет. Ты знал это?

– Да что им сделается.

Служащий затянулся – всосал полсигареты разом, до фильтра. Выпустил дым из ноздрей и вдруг повеселел.

– Глянь-ка, – гоготнул, указав истлевшим окурком на шоссе.

Что еще?

Энцо сощурился, взгляделся в неразборчивый силуэт у трассы... И, похолодев, сорвался с места.

Глупая слепая! Мчалась прямиком к машинам, словно хотела перерезать им путь. Спешила, как на свидание. Волосы плескали белым маячком в свете фонарей, рваные полы майки развевались на ветру, и между ними белела узкая спина.

Между ней и шоссе оставалось каких-то двести шагов.

Между ней и Энцо – куда больше.

Он припустил через линии подачи машин. Перекатился по капоту некстати вырвавшегося авто и помчался наперерез, по комьям каменистой грязи. Кто-то лающе захохотал. Кто-то загудел вслед.

Малая, похоже, услышала погоню – побежала быстрее, вильнула в сторону и споткнулась. Раз – нелепо махнула руками, два – вывалилась на проезжую часть. Машины огибали ее с ревом и визгом сигналов, а она металась между ними, так и норовя угодить на капот.

Одна машина едва успела уйти в сторону.

А вторая мчалась прямо на нее.

Малая сжалась и накрыла руками лицо.

Оставшееся расстояние Энцо преодолел длинным прыжком. Ухватил слепую за локоть, выдернул из потока и швырнул прочь с трассы. Фары слепили глаза, совсем близко. Энцо подпрыгнул, оттолкнулся от капота несшейся на него тачки, гулко стукнув ботинками, и бросил себя на обочину. Перекатился в придорожной пыли и развалился на спине, тяжело дыша в сумрачное небо. Перед глазами звезды плясали, тело как изнутри горело.

Вот же Марсова задница...

Энцо ощупал занемевшее плечо. Приземлился неудачно, но перелома не было. Он поднялся и огляделся – не идет ли кто? За такие фокусы могли и морду набить. Но машины неслись дальше, сопла мелькали во тьме. Со стороны заправки кто-то кричал. Легионеров наверняка уже вызвали; стоило валить, причем быстро.

Тяжело дыша, Энцо отлепил от штанины липко-розовую мятую этикетку, брошенную кем-то на обочину. Отыскал взглядом Малую и подошел к ней, едва сдерживаясь, чтобы не

отвесить оплеуху. Черт, да ей *стоило* дать разок по роже, чтобы больше таких фокусов не повторяла.

– Ты что творишь?! – рявкнул он. – Жить надоело?!

Малая подобралась, привстала на локтях. Тело просвечивало сквозь мокрую майку. Паника исказила тонкое лицо.

– Тебе-то что до меня? – Она с трудом встала и попятилась. – Чего прицепился, извращенец? Тоже на инвалидов тянет?

Вот это было неожиданно.

Энцо вытаращил глаза. Сердце налилось тяжестью, заухало от вдарившего адреналина.

– А ну повтори!

Он шагнул ближе, ухватил Малую за плечи и тряхнул. Не рассчитал силу – девчонка побелела от боли, голова мотнулась.

– *Моя сестра* была слепой! – Энцо тряхнул ее снова, так, что зубы клацнули. – Поняла? Хочешь сказать, я сестру свою хотел?! А?

– Тогда о каких деньгах ты говоришь?! По коммуникатору! Я все слышала, не думай, что я...

– О деньгах на проезд, дура!

Малая ссутулилась, обмякла в его хватке. Мокрые волосы плетями налипли на ее лицо, и Энцо разжал пальцы, проклиная свою несдержанность. На бледных, покрытых песком плечах налились длинные красные отметины, особенно яркие на правой стороне – от имплантата, заменявшего Энцо руку.

А, да пошла бы она в Тартар, эта малолетка.

Он развернулся, вспахав рыжую пыль ботинками. И чего вдруг решил заделаться работником соцслужбы? Слепые подростки-бродяжки были делом легионеров, а у него и своих проблем хватало. Слепой не нравится его общество? Лучше сдохнуть под колесами? Боги в помощь.

– Извини... – донеслось вслед. Голос Малой дрожал, звучал сдавленно, как сквозь слезы.

Энцо не хотел останавливаться. Но все же шаркнул по песку и замер.

– Прости меня. Я... Не уходи.

Он вздохнул, в отчаянии качнул головой. Быстро вернулся к Малой, ухватил за руку и потащил по обочине шоссе. Прочь от заправки.

Им стоило поймать попутку.

* * *

Энцо слишком много курил. Порой казалось, что табачным дымом воняло все. Машина тряслась и гроыхала, в кузов сочилась химическая дорожная вонь, что-то звякало в багажнике. На поворотах заносило так, что приходилось цепляться за разложенное по полу тряпье. А сигарета Энцо невозмутимо вспыхивала точкой. Всю дорогу он молчал; лишь обменялся с водителем попутки парой фраз на непонятном грубом наречии. На похожем говорили рабочие в заводских подвалах.

Их подвезли только до Восьмой курии. Дальше пришлось идти пешком. Сперва по пустырю, затем по бетонной дорожке, рядом с которой низко гудело силовое поле. Энцо сказал, что по ту сторону была территория местного космопорта. Пески и камни сменились меленькой травкой, на которой было приятно сидеть. Солнце продолжало жарить косыми лучами, припекая лишь одну половину тела. Другая зябла в надвигающемся ночном холоде.

Привал они устроили только на закате, когда зыбкая пелена вокруг I-45 насытилась цветом и тенями.

– Так вот, Малая, есть вариант, – откашлялся Энцо. – Я еду в Четвертую. У кореша есть работа. Может и тебя пристроить, если я замолвлю словечко.

– Какая работа? – насторожилась I-45.

Энцо затянулся; сигарета вспыхнула во тьме светляком.

– Какая-нибудь непыльная. Ты ж слепая. Не бойсь, в короткой тоге не заставят ходить.

Он снова затянулся. Его силуэт пошевелился, вытянул ноги по траве.

– Я таким не занимаюсь. Торговлей детьми.

– А я не ребенок, – поторопилась ответить I-45. Было бы здорово положиться на Энцо и принять помощь. Поверить ему. Ведь злился он убедительно – едва не сломал ей плечо.

Хотя пахнувший лавандой тип тоже пел приятно.

– Глян-ка, – прервал ее мысли Энцо. – Челнок взлетает.

I-45 торопливо вскинула голову и, поймав себя на этом, улыбнулась. Смешно. Словно она могла хоть что-нибудь разглядеть, на таком-то расстоянии.

– Как... как он выглядит? – Она решилась спросить, шаря взглядом по сумеречной мути над головой.

– Как здоровая консервная банка, набитая патрициями, туда их в Стикс, – фыркнул Энцо. – Вот сейчас ты его услышишь.

И правда – воздух завибрировал далеким гулом.

– А сейчас он выше поднимется. Видишь огни?

I-45 подалась вперед. Впиалась взглядом в пульсирующие точки света вдалеке: две пары, одна над другой. Они разгорались все ярче и вскоре слились в звезду, которая взлетала все выше. Отпечаталась на сетчатке глаз.

– Отвернись, больно же.

– Мне отлично, – еле шевеля губами, ответила I-45.

«Когда-нибудь и я взлечу так же, – подумала она. – Окажусь на борту корабля и улечу».

Она закусила травинку и обняла колени. Звезда улетела – наверное, куда-то к большому крейсеру на орбите. Ветер набросил пряди волос на лицо и шею. Его порыв принес размытый запах гари с привкусом металла.

– Есть хочешь?

I-45 мотнула головой. Хотелось взглянуть на корабли. На взлетное поле. Оказаться на орбите и посмотреть на огромную тушу Старой Земли и ее спутник. Говорили, что они круглые как шар. Луна серая, с заброшенными станциями, а Земля рыжая и выжженная. С пятнами курий в верхней части.

Энцо зашелестел бумагой, и запах гари в воздухе сменился ароматом бутерброда, одного из нескольких, которые он стащил из забегаловки на выходе Восьмой. Набил карманы на двоих – рассчитывал на себя и одну слепую девчонку.

Все-таки с ним было спокойно.

Он звал ее «Малая».

«Малая», распробовала I-45 на языке. Беззвучно, чтобы Энцо не слышал.

Ей вдруг стало ужасно совестно. Стоило только вспомнить тот побег на заправке...

– Прости меня, ладно?

– Да сколько можно извиняться, Малая?

И снова «Малая». Будто по голове погладили.

– Просто я обычно не такая.

Она запустила пятерню в волосы. В кои-то веки порадовалась, что не видит дальше собственных ресниц. Должно быть, в тот момент Энцо смотрел на нее как на сумасшедшую. Или с жалостью, что было не лучше. Она не нуждалась в жалости.

– Такая не такая – какая Марсова разница? – Бутерброд мешал Энцо говорить. Так и подавиться было недолго. – Главное, что живая и невредимая. И...

Он все-таки подавился и закашлялся. I-45 протянула руку – хотела стукнуть по спине, – но торопливо убрала ее, едва коснувшись лопаток.

Ее будто током ударило. Спина оказалась сильной, горячей, как у большого зверя. И пальцы теперь жгло, словно они тронули огонь. I-45 отвернулась, чувствуя, как жар неумолимо заливает лицо. И чего разволновалась? Грубые здоровяки никогда ей не нравились. Если честно, на мужчин она вообще редко обращала внимание.

Энцо продолжал жевать.

Вскоре совсем стемнело. Ветер принес странный сладковатый аромат. Слух обострился. Послышался вой из каньонов вдаль, шепот травы. Хорошо, что они развели костер. Кто знает, какие звери здесь водятся?

Теперь Энцо скрывался за охристым пятном костра. Еще не спал – выдавал шорох одежды. «Моя сестра была слепой» – так он сказал. «Была». Интересно, что с ней стало? О себе он не рассказывал, об I-45 не расспрашивал, будто его совершенно не интересовало, с кем он делит еду и костер. Акцент выдавал в нем уроженца центральных курий, а грубость и умение выживать в дикой пустоши – простое происхождение. Загадочный парень.

И хотелось сделать еще кое-что.

I-45 мысленно проговорила заготовленную фразу и набралась смелости.

– Ты не будешь против, если я... Можно я посмотрю твое лицо? Раз мы идем вместе, и... Я бы хотела знать, с кем имею дело, и...

Странное желание, конечно. Обычно она не рвалась щупать каждого знакомого.

– Валяй.

Энцо поднялся. Прошелестела трава, глубокую синеву неба заслонила тень. Пахнуло мясом. I-45 подняла руки и тронула его лицо – осторожно, словно он мог ее укусить.

– Тебе сколько лет? – вырвалось у нее. Ей казалось, что Энцо старше, судя по низкому голосу и манере разговаривать. Но под ладонями скользила гладкая, слегка липкая от пота кожа. Крепкий подбородок, скулы, щетина.

– Сложный вопрос.

Энцо отстранился, и пальцы I-45 провалились в пустоту. Она опустила руки, чувствуя себя ужасно. Теперь точно показала себя полной дурой. Наверное, ему было неприятно. Кому понравится, когда по твоему лицу возьмат грязными ладонями?

– Давай спать, Малая.

Спать так спать.

I-45 улеглась на траву, лицом к костру, и закрыла глаза. Холодные порывы ветра тут же забрались под одежду. Она сжалась, чтобы не стучать зубами, но те продолжали предательски клацать. Сейчас бы пригодилось родное, пропахшее тинной одеяло, которое осталось под мостом. Должно быть, теперь грело какого-нибудь другого номера. Или покоилось под обломками, если дом успели снести.

По траве прошелестели шаги, и I-45 насторожилась.

Энцо.

Он опустился на землю рядом. Его рука легла на ее бок, к лопаткам прижалась теплая широкая грудь. Чужое дыхание пошевелило пряди на макушке.

I-45 сжалась, готовая вскочить, но больше он ничего не делал. Похоже, уснул – дыхание стало размеренным и глубоким.

Это было странно. Не то чтобы ей не нравилось греться в обнимку – ночами в степи было адски холодно. Но...

К горлу отчего-то подкатил комок.

Она хотела отодвинуться, вывернуться из-под тяжелой руки. Но впереди горел костер – откатиться к нему ближе значило опалить лицо. А шевелиться было уже лень. Перед глазами

замелькали странные образы первых снов, и она уснула. Лишь в последний момент вздрогнула и ухватила Энцо за длинные пальцы.

Ей вновь почудилась пахнущая лавандой машина.

7—4

Энцо родился в грозу.

Почувя схватки, мать выбралась из канализации на поверхность – с чего-то ей захотелось под алый закат – и легла за коробками на углу десятой и одиннадцатой магистралей. Небо жмурилось тучами, рассказывала она потом. Дрожал прозрачный пластик витрин, и коробки улетели прочь, подгоняемые порывами шквального ветра. Обычная весенняя погодка Пятой курии. Грохотало так, что уши закладывало, и никакие искусственные купола не помогали.

Было ли это правдой, Энцо не знал. Мать любила приврать. Но говорили, что те, кто явился на свет под тугие струи ливней, притягивали к себе неприятности. А в этом Энцо был мастером.

«Ваш баланс – тысяча денариев», – сообщил женский голос из автомата. Аналогичная надпись высветилась на весело-зеленом фоне экрана. Ниже выпал перечень доступных операций.

Энцо вынул руку из углубления и потер запястье с вшитым в него чипом. Работодатель не пошутил, когда сказал, что переведет ровно ту сумму, о которой договаривались. Тысяча денариев. Достаточно, чтобы купить один билет на Трансзональный экспресс и поужинать в его вагоне-ресторане.

Вот только ехал Энцо не один.

Он с шумом выдохнул и взъерошил волосы. Сам обещал Малой довести до Четвертой курии, никто за язык не тянул. А теперь что? Попрощаться? Или вовсе не прощаться? Оставить ей двести денариев на разменной карте, а дальше каждый сам за себя. Он пытался достать билет. Он не смог, не его вина.

Но почему при одной мысли об этом становилось так паршиво?

Заметив на себе нетерпеливый взгляд патрицианки, Энцо сдвинулся в сторону и пропустил ее к билетному автомату. Мимо мчались машины, подрезая друг друга на въезде на эстакаду. Переключались полосы на проезжей части, перемигивались светофоры, яркие в наступающих сумерках. По тротуару в пятнах обертки и использованных денежных карт торопились рабочие-номера, вышагивали легионеры в экзоскелетах с клеймом имперского орла, прости-тутки в латексе. Из фургона под мостом вылезли рабочие в кислотно-желтой форме – четверо тощих и один высокий и здоровый. Следом два робота вытащили стройматериалы.

Малая стояла на углу, поближе к стене, чтобы люди не сшибали. Грела руки в карманах и невидяще смотрела перед собой. Свет фонарей искрился в белых волосах, как сахарная пыль. Энцо покосился на нее и опустил взгляд на заплыванный асфальт.

Нужно было что-то решать.

На затылок шлепнулась капля, и Энцо глянул на потемневшее небо в прорези между слоями уровней. Затянутое облаками, но без дождя. Со dna верхнего уровня вроде тоже ничего не лилось – только висели сопли толстых кабелей и отростки нелегальных зданий, прилепившихся между канализационными системами.

Зато в двух этажах над головой из окна скалилась рожа с заплаткой имплантата. Марсианин. Заметив внимание к своей персоне, тот ослабил шире и изготовился для второго плевка.

На его шее была татуировка песьей морды. Увидев ее, Энцо содрогнулся. Вытер слюну рукавом и зашагал прочь.

Прошлое догоняло слишком быстро. Напомнило об одном варианте, использовать который страшно не хотелось.

– Куда же ты, псина? – Марсианин завыл, подражая диким собакам, но Энцо не обернулся. Ухватил Малую за руку и потащил мимо витрин с подделками имперских блокнотов,

через густо пахнущую мускусом и уличными кебабами толпу. Свернул на рынок с его странной едой и дешевыми, паршивого качества товарами. Пробежался вдоль ряда с подержанными имплантатами, протиснулся между магазинчиками и выбрался под сваи жилой колонны. Она светилась окнами жилья для бедняков. Еще выше, в сотне этажей к небу, покоился уровень патрициев. Там жужжали дорогие машины, гремели празднества, которые устраивала фламийка Юпитера, мерцали вывески клубов и ресторанов.

В сырость и мрак у канализаций патриции не сворачивали. Шаги отозвались эхом от исписанных граффити стен. Пахло мочой, гнилью и химией отработанного топлива, под ногами шуршал мусор. В арке у стены притулился седой, как пыль, но все еще крепкий дед. Из тьмы блеснули огоньки окуляров.

Энцо направился к нему, без лишних слов снял куртку и задрал рукав футболки. С плеча оскалился выбитый синей тушью пес.

Дед смерил татуировку взглядом – окуляры, заменявшие ему глаза, вспыхнули ярче. Так же внимательно осмотрел Малую (с потерянного выражения лица до бледных острых коленок) и самого Энцо (с потертых ботинок до небритой рожи). Подумав, все-таки поднялся с табурета и стукнул в неприметную дверь за своей спиной. Дверь приоткрылась, повеяло сточными водами и жареным мясом.

Энцо завел Малую внутрь и шагнул следом.

Дверь за ними закрылась.

Тоннели подземного города не походили на по-солдатски прямые улицы наземной части курии. Когда-то давно канализация состояла только из коммуникационных линий, но атмосфера истощилась, места под искусственными куполами осталось немного, и жизнь на поверхности заметно подорожала. Номера перебрались под землю. Превратили канализацию в настоящий лабиринт – спяну нужной дороги точно не найдешь. Сенат их не трогал; посчитал, что номерам под землей самое место. Они помогают курии выгребать дерьмо и не воняют на поверхности – что может быть лучше? При любом подозрении на бунт им просто вырубали энергоснабжение и проводили зачистку. Кто-то гнал, что так было в Пятнадцатой. Не стоило давать легиону повод.

Энцо с Малой спустились по сбитым ступеням. У подножия лестницы протиснулись мимо одетых в кожу «Псов Свободы». Те передавали по кругу дозатор с зеленоватым клик-препаратом; по очереди кололи его в жилистые запястья, под татуировки песьих морд.

Уровнем ниже шумела толпа. Под куполом шел бой, один из многих, которые проходили в канализациях каждой курии. Любимое развлечение плебса – смотреть, как один здоровяк бьет морду другому. На ринге месили друг друга белый лысый номер и темнокожий марсианин с биометаллическими ногами. Эти имплантаты Энцо отметил особо: они начинались от колен, мощные, с когтями вместо ступней. Хорошие образцы, так просто не раздобудешь.

Темнокожий прыгнул и захватил щиколотку белого когтями. Белый заорал, на песок брызнула кровь. Зрители заорали в унисон, в воздух полетели обертки от соевой жратвы. Рядом с ухом просвистел локоть соседа – тот что-то возбужденно кричал, не отрывая глаз от боя. Энцо поморщился. Когда-то ему тоже нравилась Арена. Даже дрался, было дело. Теперь тот бешеный «пес» казался чужим и далеким. Совсем другой человек.

Энцо покосился на Малую. Та хмурилась и вздрагивала, когда зрители ревели особенно громко. Казалась совсем не к месту в этом бардаке. Он затолкал ее в более-менее свободный угол, подальше от ринга, и огляделся. Вроде на них никто не смотрел, пристать не должны.

Пара минут еще никого не убила, верно?

– Жди здесь, я скоро буду.

Малая послушно кивнула, пряча глаза. Вот и умница.

Оставив ее, Энцо продрался сквозь толпу. За рингом, в душном, обитом дешевым пластиком кабинете выпивал Аларих – легко узнаваемый, несмотря на прошедшие годы. Когда-

то крепкий, а теперь рыхлый от возраста, он выделялся на фоне собравшихся «псов». В зубах дымилась сигарета, грозя поджечь усы и кудрявую рыжеватую бороду. На пальцах блестели перстни. Натуральный патриций, хоть и опустившийся; при деньгах, со связями.

Энцо шагнул за порог и остановился, когда к виску прижалось холодное дуло.

Аларих поставил бутылку. Парень по правую руку от него – Егерь, так его звали – оскалил десяток наточенных металлических зубов. По левую руку дохнул дымом Пятый. Еще один наемник.

Эзопа, старого друга и предводителя «псов», видно не было. Энцо зря искал его взглядом.

– Дружище! – Аларих вдруг расплылся в улыбке. Дуло пушки убрали от виска. – Сколько лет, сколько зим. Семь, если я не ошибаюсь?

Он не ошибался.

– Не думал увидеть твою марсианскую задницу снова. Но стая рада приветствовать брата.

Собравшиеся закивали, и Энцо нехотя салютовал в ответ. Вести переговоры со старым патрицием он не рассчитывал. От Алариха за световой год несло ложью.

Но перед крио Энцо взял на себя часть чужих грешков. А долги полагалось возвращать.

* * *

Что Седьмая курия – Тартар наяву, стало понятно сразу. По тому, как все кругом смердело, как толкались прохожие. Капли конденсата с труб шлепали по лбу, заставляя морщиться. Пахли ржавчиной. Шумели автострады – сверху, снизу, по всем сторонам, во всех направлениях. Казалось, они с Энцо попали на огромное, нескончаемое шоссе. На перекрестках I-45 втягивала голову в плечи, боясь, что какой-нибудь из огней сейчас размажет ее по опорам верхних уровней. Влетит и не заметит. Мгновенная смерть. Но Энцо держал ее руку крепко. Уверенно тащил вперед, по лужам, мимо звенящих колокольцами бродячих торговцев, сквозь жирный смрад закусочных. Повсюду слышались незнакомые наречия и странные голоса – гортанные и цокающие, шипящие и крикливо-высокие. «Словно за яйца подвесили», – фыркнул Энцо, когда один такой взвился прямо у них над ухом. I-45, конечно, не знала, как разговаривает подвешенный за яйца, – и разговаривает ли вообще, после такого-то, – но посмеялась от души.

Ее смех быстро затерялся в гуле, грохоте и стуке.

Седьмая кишмя кишела любителями халявы с окраин. Все хотели перебраться поближе к центру, собраты I-45 по мечте. Но на их пути лежала зона отчуждения – полоса земли между защитными куполами Седьмой и Шестой курий. Пересечь ее можно было только одним путем – на экспрессе, билет на который стоил дорого. Многие приезжие искали работу, легальную и не очень, копили, да так и оседали в Седьмой. Некоторые теряли терпение и пробовали перебраться через зону пешком.

Их даже не останавливали: до цели все равно никто не добирался. Шестьсот стадий – нешуточное расстояние, если бежишь в разреженном воздухе, а тебя жарит радиация. Рассказывали, что тела потом собирал специальный робот-уборщик. Сбирал и отвозил в хранилище там же, в зоне.

Все это I-45 узнала, сидя за ларьком быстропита на углу мотеля. Энцо устроился рядом, жуя кебаб. Самой есть не хотелось – дух масла, вонь топлива и собственного грязного тела отбили аппетит напрочь.

Тем вечером Энцо вел себя странно. Ходил напряженный, говорил редко, чаще огрызался. Затем повел в какие-то подвалы. Лестница сменялась лестницей, кругом делалось все темнее, люди толкались и кричали. Громко играла музыка. И Энцо ушел. Не нашел лучше места, где оставить. Так и не сказал, куда отправился, а I-45 не спрашивала, хоть и боялась

до дрожи. Не могла отделаться от мысли, что он не вернется, и сразу же стала просчитывать варианты, чем она могла прокормить себя в Седьмой.

Кроме собственных органов и тела на ум ничего не приходило.

Пару минут (хотя казалось, что целую вечность) она просто стояла у стены. Вслушивалась в гомон, крики и вой. Звуки ударов. Холод расползся по коже, тени людей и предметов плыли в световых сполохах. Не выдержав, она села и уткнула лицо в ладони, унимая растущую панику.

Нужно было собраться. Готовиться к возможному самостоятельному путешествию.

Путешествию куда? Зачем?

– Юпитер всемогущий... – прошептала. Подумать только, какую-то неделю тому назад собиралась покрыть все расстояние до центральных курий в одиночку. Бравая слепая Сорок Пятая, ха. Да если бы не помощь Энцо, она бы погибла еще тогда, у шоссе. Оказалась еще беспомощнее, чем думала...

Снова почудилось жужжание – как гул высоковольтных проводов, только на изнанке черепа. И бормотание далеких голосов, как из трубки коммуникатора. В висках начало колоть. I-45 мотнула головой, силясь вытряхнуть странные звуки из головы. Слишком много электроники, она чувствовала каждую мелочь. Хаос сигналов навалился так, что даже затошнило. Раньше было не так громко, и это пугало. Может, она заболела? Подцепила какую-нибудь инопланетную дрянь... Говорили, от одной сходили с ума за день. Сначала чудились голоса, потом у предметов цвета менялись, а после из носа шла кровь и все – мгновенная смерть.

I-45 оцепенела, когда рядом кашлянули.

Она что, была не одна?

В полумраке закутка качнулась едва различимая тень – кто-то сидел у стены. Рядом с тенью светился прямоугольник. Блокнот. У него батарейка садилась, машинально отметила I-45. Сигнал был слабым.

– Что крошка забыла в этом гадюшнике? – поинтересовался женский голос. – Не страшно тебе?

Страшно, конечно. И больше всего пугала эта самая женщина. Когда успела подобраться?

I-45 не ответила ничего – мама учила не говорить с незнакомцами, а случай с лавандовой машиной отбил это желание окончательно.

– Как насчет сыграть? Выиграешь раз – дам триста денариев. Выиграешь дважды – четыреста. А? Как?

Нашла дуру. I-45 нащупала в кармане разменную карту, которую оставил Энцо. Двести денариев. Больше и не требовалось.

– Чего не отвечаешь? Гордая?

– Не гордая, а слепая.

На, получи. Как ты будешь играть с тем, кто не видит?

Но женщина только рассмеялась.

– Что, прям совсем слепая?

– Почти.

– А у меня и для «почти» игры есть. Тебя как звать?

– Малая, – брякнула I-45, не подумав. – И денег нет у меня.

– А мы без денег. Просто так. Скучно мне.

Ну раз просто так... Все равно нужно ждать Энцо. Как он ее найдет, если она уйдет в другое место?

I-45 нехотя кивнула, и у ее ног лег блокнот. На экране зажглись шестнадцать крохотных пятен.

– Видишь цвета?

I-45 снова кивнула.

– Смотри. – Над экраном пронеслась тень руки, и квадраты окрасились разными цветами. Запахло спиртом и кислым дыханием. – Нужно запомнить расположение красных и повторить. Поняла?

Что могло быть проще? Красные пятна выделялись на общем фоне, как сигналы светофора. А память у I-45 всегда была хорошей.

В похожую игру она играла с мастером на заводе и почти всегда выигрывала.

– Делай ставку, Малая.

Блокнот рассыпался новой порцией цвета и окрасился белым.

– Эти, – I-45 по очереди указала на нужные пятна. Тень чужой руки снова пронеслась над экраном, и указанные ячейки зажглись алым.

– Да ты прям пифия! Давай еще разок.

Энцо не вернулся, заняться было нечем. Чего она теряла?

Блокнот вновь сменил цвет, теперь быстрее. I-45 едва успела пересчитать глазом все алые пятна. Она даже вошла в азарт, так захотелось угадать нужную комбинацию. Когда экран вновь стал белым, она прислушалась к своим ощущениям и отметила нужные.

– Ты уверена?

В голосе женщины звучала улыбка, но почему-то казалось, что выбор верен на все сто процентов. Какое-то десятое чувство, где-то на подкорке.

– Да.

– Ну смотри.

Экран мигнул. Снова угадала. I-45 довольно улыбнулась.

Проще простого.

– Смотри-ка! – расхохоталась женщина. – Такого я еще не видела. У тебя там нейропорта не стоит? А то вдруг ты лютый хакер, дуришь мне голову.

I-45 почувствовала прикосновение к своему затылку и отстранилась. Нейропорта у нее не было, ни обычного, ни дистанционного. Она просто чувствовала, куда нажимать, и все тут. Ничего особенного. Машины всегда были ближе, чем люди.

И машины не лезли к ней с руками.

Женщина забрала блокнот себе. Тот пискнул, перезагрузившись.

– Сыграй-ка еще.

– Нет, спасибо.

– Ну давай, разок.

– Нет, я не...

– Чего сидим, кого ждем? – их прервал резкий голос. Сорок Пятую накрыла тень. – Мне что, самому клиентов окучивать? Давай в зал.

– Это Егерь, мой старый друг, – снова прикосновение, на этот раз к плечу. I-45 поджала губы. – Не обращай внимания. Вечно кислый, как ваго с Антареса...

– За базаром следи, – оборвал Егерь.

– Не злись, деточка. Лучше глянь, какая у нас звезда объявилась. Все угадывает.

– Опять с портом?

– А вот и нет! Давай, Малая, покажем ему.

Игра слишком затянулась, но I-45 все-таки кивнула. Даже почувствовала какую-то глупую гордость за свою способность. Чужое внимание льстило.

Вновь замигали цвета, на этот раз так быстро, что I-45 не успела моргнуть. Она ткнула в квадраты, и те вспыхнули; снова верно.

– Глянь на экран. Видишь это? – подал голос Егерь. Он обращался к женщине, и I-45 торопливо убрала руки от блокнота – вдруг что-то сделала неправильно? Но ее грубовато толкнули в плечо.

– Не-не, ты продолжай. Как у тебя это выходит?

– И правда. Как при взломе, да? – Женщина под села ближе, прижалась боком. – Смотри сюда.

– А я про что.

Да что случилось?! Егерь подтолкнул еще раз. I-45 часто задышала и нехотя взяла пластину блокнота. Они ей не нравились, совсем не нравились. Ни Егерь, ни женщина, ни блокнот. Хотелось бросить все и убежать.

Пальцы защекотало – совсем как тогда, в машине. Экран вдруг замерцал и потемнел. Запахло паленым.

– Ой, – только и смогла сказать I-45. Да что с ней творилось?

На этот раз никто не смеялся.

– Ты что сделала?!

– Извините, я не знаю... Что-то нажала... – пробормотала I-45. Она поднялась на ноги и попятилась.

– Извините?! Да ты мне блокнот сломала!

– Одним извините сыт не будешь, – согласился Егерь с другого бока. Загнали в угол. И никуда не скроешься, не убежишь – сразу догонят...

I-45 вытащила из кармана разменную карту и протянула на вытянутой руке.

– Вот, – сказала она, стараясь держаться как можно спокойнее. – Это все, что у меня есть. Карту выхватили. I-45 хотела уйти, но запястье стиснула большая рука.

Егерь. Крепко держал, не вырваться.

– Думаешь, этого хватит? – Его голос раздался совсем близко. I-45 почувствовала странную тяжесть в глазницах. На миг даже увидела себя со стороны – белый силуэт, испуганное лицо. Похоже, вместо глаз у Егеря были окуляры.

– Отпустите!

Крик потонул в общем вое, донесшемся от ринга. I-45 попробовала освободиться, вцепилась в его пальцы.

Егерь фыркнул.

Фыркнул! Ему было смешно, как она, беспомощная, билась в его хватке!

I-45 накрыла глухая злость. Чтоб он подавился, гад. Чтоб окуляры перегорели.

Кольнул заряд. Егерь вскрикнул, разжал руку. Раз – и его силуэт исчез. Донесся звук упавшего тела. Вскрик женщины.

I-45 бросилась прочь. Быстрее, пока Егерь не пришел в себя.

Она даже не хотела представлять, на что он будет способен, когда очнется.

* * *

– Готово, Малая! Теперь на вокзал.

Энцо торжествующе махнул пластиковыми картами и лишь затем понял, что фигура, притулившаяся в углу, была куда крупнее Малой. Баба подняла голову и уставилась на него черными от «псиона» глазами. Бритая наголо. Потасканная, как униформа, в которую была одета.

Энцо огляделся. Малой видно не было.

– Тут девчонка сидела. Не видела?

– Неа.

Она врала. Энцо чуял запах Малой на ее одежде.

Он оперся на мусоросборник и склонился ниже. Баба взирала на него спокойно.

– Где слепая?

– Какая слепая? – Она оценила номер, выбитый на ключице. – Не знаю, крию, о чем...

– Не ври мне! Куда она пошла?

– Без понятия. Убежала! – рявкнула баба в ответ.

А глаза так и бегали. Нехорошо, очень плохо. Энцо нахмурился и только собрался поговорить по-плохому, как за спиной раздался знакомый голос.

– Она блокнот сломала, ты в курсе?

Энцо обернулся.

Егерь. Служил Алариху давно, был самым верным из его «псов» – посыльным, охранником и лучшей шестеркой. Рябой и рыжий, со столь же рыжими пятнами на коже, острыми стальными зубами и парой окуляров вместо глаз. Левый почему-то не работал. На шее золотился ошейник. Энцо отметил усилившийся рельеф плеч под курткой; ноги под штанами тоже вздувались буграми. Похоже, со времени их последней встречи Егерь успел улучшить тело новыми имплантатами.

Заметив подошедшего «пса», баба оживилась. Вытащила из-под куртки панель блокнота и сунула ее Энцо под нос. Та была явно сломана и мигала диковинными цветами.

– Вот да. Кто будет за него платить? – она осклабилась. – Может, ты?

О чем они вообще толковали? Энцо нахмурился. Эта баба что, играла с Малой на деньги? С безнадежной слепой, которая даже пару шагов не могла пройти ровно, вечно спотыкалась...

Мразь.

Энцо ухватил бабу за ворот и приподнял над полом. Сунул пальцы в нагрудный карман куртки и вытащил разменную карту. Как он и думал, та пахла Малой.

Он будто держал не пластик, а тонкие белые пальцы.

Ярость заволокла глаза. Рука нанесла удар прежде, чем он успел подумать. Кулак окрасился кровью, баба завизжала.

– Эй-эй, Двести Шесть! – Егерь захватил его за шею и оттащил. – В руках себя держи! Она своя.

Энцо сплюнул, задыхаясь от ненависти. Свои так себя не вели.

Разборки он оставил на потом – времени было мало – и кинулся через толпу у ринга. След Малой вел к автомату с водой, где становился сильнее и нитью поднимался по выщербленной лестнице. Дверь наверху заело; она застыла на середине проема, мерцая аварийными индикаторами. Из мокрой тьмы двора доносился чей-то хриплый смех и болтовня. Деда видно не было.

Энцо протиснулся в кривую щель и остановился. С досадой прикрыл глаза. Правильно говорила мать: рожденные в грозу всегда притягивали неприятности.

– Куда же ты пошла?.. – пробормотал, осматривая закуток.

След увел вдоль автострады, в гущу центральных улиц, где работали подъемники на верхний уровень. Энцо ступил на движущуюся платформу, и напираящая толпа притиснула его к решетке ограждения. Дрожа, платформа поползла вверх, прочь от смрада нижних кварталов. По мере подъема стали видны огни рынка, светящиеся полосы дорог, расчерчивающие муравейник трюб вдов и попереки. По ним жужжали светляки автомобилей. Вдалеке непристойно алела башня лупанария с девицами всех сортов за стенами прозрачных ячеек.

Вскоре обзор закрыли конструкции опор верхнего уровня. Платформа поравнялась с троуаром, остановилась, и поток людей вынес Энцо на площадь.

Здесь запах Малой потерялся окончательно.

В отчаянии Энцо взъерошил волосы и развернулся кругом. Мимо торопились патриции с охраной, номера и роботы-мусоросборщики. Стояли такси с призывно поднятыми дверцами. Площадь обступили густо-синие, словно наполненные водой высотки. В небе между ними мерцала назойливая реклама, под которой летали точки легионерских дронов. В отдалении, у белых стен храма, толпились попрошайки и номера с банками вечного огня. Из динамиков за колоннами рвались песнопения, тягуче разливались в воздухе над царящим на площади хаосом. Чистые голоса накатывали, умолкали и накатывали вновь, совсем как урчание моро-

зильной установки в подготовительном отделе криотюрьмы. Там тоже было темно и влажно. А после пришел удушающий холод.

Энцо спрятал озябшую руку в карман. Задумчиво посмотрел на металлические пальцы второй, натянул капюшон и двинулся к вышке у пустого фонтана. Привалился к ее боку и принялся ждать. Старался не светить лицом перед камерами.

Рядом заливисто рассмеялась девушка, ветер принес сладкий шлейф духов. С другой стороны вышки кто-то хрустел лепешкой с завернутой в нее колбаской; запахло чесноком. В животе заурчало, и Энцо с легкой тоской вспомнил обеденное мясо, умятое за мотелем. Мысли перетекли на экспресс, который отправлялся через три часа. Он поехал. Стоило поторопиться, или их шанс выбраться в Четвертую грозил угодить прямиком в Стикс.

Заслышав тихое жужжание, он глянул вверх из-под края капюшона. Подпрыгнул, на миг очутился над толпой и схватил полосатую тушу легионерского дрона. Тот принялся вырываться, вращая камерами, но Энцо быстро вывел из строя и камеры, и крылья. Сунул дрон под куртку и помчался с площади под встревоженные крики свидетелей.

В паре кварталов он остановился. Стащил зубами перчатку. Пальцы имплантата раздвинулись на фалангах и выпустили тонкие нити датчиков и манипуляторов. Те гибко ввинтились в бело-синее брюхо дрона. Энцо привычно сломал защиту и подключился к данным видеонаблюдения. Ничего не изменилось. Программы информационного щита остались теми же, что и семь лет тому назад. Империя любила экономить на системах общественного наблюдения.

Дрон мигнул индикатором, заурчал, и в память Энцо потекли видеоданные за последние часы.

Именно за такие фокусы он однажды загремел в тюрьму. И, похоже, рецидив не заставил себя долго ждать.

* * *

По привокзальной площади сновали люди, много людей – I-45 не нашла лучшего пункта назначения для наушника-поводыря. А куда еще идти? Они же собирались уезжать, значит, на вокзале Энцо появится точно. Небо над Седьмой курией почернело, зажглись огни фонарей. Один светил прямо на I-45, выделяя ее, как на витрине. Она даже порадовалась. Если что, Энцо не пройдет мимо.

Если вообще станет ее искать.

I-45 лязгнула зубами – скорее от страха, нежели от холода. Тронула наушник, и шум толпы утонул в глубоких басах электронной музыки.

Что же все-таки произошло? Нет, иногда и дома бывало, что лампочки взрывались, стоило понервничать. Но чтобы так?.. Управлять программой и спалить блокнот? Отправить кого-то в обморок? I-45 закусила губу. Может, и с тем патрицием в машине вышла не случайность. Она же чувствовала имплантат в его голове.

Ее накрыла высокая тень, и I-45 сощурилась. Выключила наушник.

– Энцо?

Некто присел рядом на скамью и положил одну руку на спинку. Чужие пальцы коснулись плеча.

– Кто такой Энцо? – осведомился незнакомый мужской голос.

– Нет, я не... Я жду кое-кого, – проямлила I-45, растеряв последнюю уверенность. Она сдвинулась на край лавки и уставилась на снующие по площади тени. Наверное, стоило уйти и не дожидаться очередного конфликта. И куда девались слова, когда были так нужны? Ее уже тошнило от собственной беспомощности и постоянного бегства. Жалкая, тощая слепая, с тихой ненавистью подумала она. Тело номер Сорок Пять.

– Мальчик, ты тут сидишь уже несколько часов.

– Я не мальчик! – огрызнулась I-45.

Сосед умолк. К сожалению, ненадолго.

– Ты не замерзла?

Продрогла немного, но I-45 скорее откусила бы себе язык, чем сказала об этом.

– Я живу неподалеку. Не хочешь прогуляться?

– Нет.

– Что?

– Нет, говорю.

О боги, помогите. Снова бежать не было сил.

– Но у вокзала оставаться опасно. Если тебе некуда идти, мы могли бы...

– Могли бы что? – его оборвал знакомый низкий рык. – Пшел отсюда, урод.

Судя по звуку, приставучего соседа вытолкнули с лавки.

И ударили.

– Да что ты себе позволяешь?! – загомосил он. – Да как ты смеешь?!.

I-45 вскочила, не дожидаясь, пока на крик сбегутся все имперские легионы. Энцо жадно ухватил ее за руку и потащил вперед.

– Марсовы извращенцы... – рычал себе под нос, продираясь в гуще народа. Его металлические пальцы сжимали запястье слишком сильно, но I-45 не жаловалась. Спотыкалась и старалась не отставать.

– Как ты меня нашел? – крикнула она через нарастающий гул толпы.

– Ты в порядке? – вопросом на вопрос ответил Энцо.

– В полном.

– Точно? Он ничего с тобой не сделал? Не говори со всякими паскудными номерами, поняла меня?

I-45 кивнула и охнула, с разбега влетев в его плечо.

Они словно уперлись в стену. Живую изгородь тел, спрессованных у входа на территорию Трансзонального вокзала.

– Иди рядом, – велел Энцо, проталкиваясь впереди. Хотя в такой давке I-45 не потерялась бы даже при сильном желании.

– Подайте, прошу... – сказали на ухо.

– Деньги есть? – хрипло проговорили с другой стороны.

– Билетик, один билетик...

I-45 закашлялась, когда ей дохнули едким дымом в лицо.

– Малышка, – пробасили со странным говорком. – Не хочешь слехка развлещяся?

– Анупшелвонмля! – рявкнул Энцо, и едкий дым развеялся, словно его и не было. Пару раз по штанам скользнули паучьи лапы карманников. Где-то молотили по решетке – судя по звуку, железкой. I-45 отчаянно не хватало воздуха. Она даже принялась дышать ртом – мерно, считая про себя.

Раз, два...

– Десяток денариев, всего десяток...

...Пять, шесть...

– Куда прешь?!

...Семь, восемь...

– У меня маленький ребенок, ему нужно лечение! Прошу, добавьте на рейс...

...Десять, одиннадцать...

– Потерпи, почти дошли, – процедил Энцо, и I-45 кивнула. «Все отлично», – хотела сказать, да в горле пересохло. А после уже было поздно.

Она выпала в пустое пространство и с размаха ткнулась грудью в воротца турникета.

– Ваши билеты и чипы, – сказали ей. Тон вежливый, голос безразличный; девушка-контролер явно устала от смены в гуще вокзального бардака. I-45 задрала рукав куртки и вытянула руку вспотевшей ладонью вверх. Вздогнула, когда экран сканера коснулся запястья. Сверкнул луч.

– Номер I-45, Десятая курия, – с легким удивлением сказала контролер, и I-45 похолодела. Она даже не знала, что ответить. Что-то пошло не так?

– Номер, и даже два. Какие-то проблемы? – вмешался Энцо. I-45 немного успокоилась, когда он взял ее за руку. Стало не так страшно.

– Нет, простите. Просто господа с... номерной регистрацией редко пользуются услугами нашего экспресса.

– Теперь будут чаще. Там, в Десятой, лотерея прошла в честь cereалий. Столько народу выиграло... – Он присвистнул. – Закачаетесь. Сажать некуда будет.

– Приятно это слышать, – промямлила контролер. Рядом с ее силуэтом вспыхнул зеленый сигнал, и Энцо легонько подтолкнул I-45 за турникет.

– Прошу вас, поднимите руки... – донеслось откуда-то спереди.

Энцо витиевато выругался.

– Досмотр, – прошипел. – Твою же, забыл...

Он подался за I-45. Ладони легли на ее талию, поставили ровно перед собой.

– Сейчас... Иди прямо, не крутись.

– У тебя что, с собой что-то есть? Ты же знал, куда мы идем... – глупо переспросила I-45.

Она шагнула вперед, и голос легионера зазвучал ближе.

– Малая, – шепот Энцо обжег ухо, – я ж не хочу, чтоб нас с тобой раздели в какой-нибудь подворотне. Опасно с пустыми руками-то.

I-45 невесело усмехнулась. Вот, оказывается, что стоило брать с собой из дома; не одежду и даже не наушник с поводьем. Нужно было выменять нож у соседа под мостом. С другой стороны, за ношение оружия номерам полагался тюремный срок...

– Следующий!

Что-то тихо звякнуло и откатилось. Энцо толкнул I-45 вперед. Она сделала шаг, уперлась в ворота пропускного пункта и подняла руки, повинаясь инструкции электронного голоса.

– Везете ли вы с собой оружие? Клик-препараты? – осведомился легионер, дохнув гарумом и луканской колбаской. I-45 качнула головой. Наверное, со своими синяками и дрожащими пальцами она выглядела очень подозрительно. Чувствовала себя настоящей обманщицей. Казалось, что с минуты на минуту к ней подойдут и выведут обратно в чад и крики привокзальной площади, где ей было самое место.

Но никто ее не вывел. Они с Энцо оказались в здании вокзала, светлом и бесконечном, судя по гулявшему эху. Фильтрованный воздух наполняли сладкие, вкусные запахи, в термополии неподалеку звякали чашки и вилки. Стоял ровный гул голосов; высоко под куполом носилось эхо объявлений о готовящихся рейсах.

I-45 наконец захлопнула рот. Она словно попала в иное измерение – из душной Седьмой прямиком в рай для патрициев.

«Трансзональный экспресс до курии Четыре отправляется с пятого пути. Приятной поездки».

Энцо нетерпеливо потянул ее за руку, и I-45 поспешила следом. Теперь ботинки скользили не по грязи, а по гладкому камню. Запах выпечки сменился столь же неземным ароматом духов. Кругом распускались цветные огни, звучала тихая музыка, бормотали новости на общегалактическом – I-45 узнавала отдельные слова из потока речи, выучила кое-что за время работы на заводе.

У экспресса стоял странный шум, словно под напряжением гудели сотни, тысячи проводов. Энцо дошел до конца платформы и затолкал I-45 в вагон: через выступающую подножку,

по узкому коридору, где ноги утопали в податливом бипреновом напылении, прямо в купе. Щелкнула дверь, и гул двигателей поутих.

– Это вышло случайно, – вырвалось у I-45, когда Энцо, вздохнув, опустил на сиденье напротив. – Я не хотела сбегать.

– Знаю.

Теплые пальцы ухватили ее руку, перевернули ладонью вверх, и кожу что-то кольнуло. Угол пластиковой карты, поняла I-45.

– Нет, мне не нужно. – Она протянула карту обратно, но Энцо был непреклонен. Пришлось сунуть ее в карман.

Экспресс тронулся. I-45 привалилась плечом к вибрирующему боку вагона. Снаружи что-то мелькало, порой яркое, порой темное. Вдали тянулись световые линии магистралей, число которых становилось все меньше.

Перед зоной отчуждения настроение резко упало. Состав втек в иной мир, над выходом из купе загорелась красная лампочка. Находиться в коридоре во время прохождения земной атмосферы было крайне нежелательно – только в туалет и обратно. В случае аварии и разгерметизации салона двери автоматически блокировались до прибытия службы помощи.

А кто не успел, тот опоздал, сообщил приятный и веселый голос из динамика у потолка.

Купе заливал багряный пульсирующий свет, от которого стало неуютно и тревожно. На ум лезли жуткие версии аварий – как поезд с железным визгом сходит с путей и заваливается набок. Как стекло трескается, выпуская жаркий, зараженный радиацией воздух. Или выскочившего в туалет Энцо блокирует в коридоре. I-45 представила, как он будет метаться между бронированными перегородками, а она будет стучать ему из относительной безопасности купе... Подземные духи всегда преследовали ее, уносили близких людей напрямиком в Тартар.

Она потеряла щеку; та горела и чесалась. В купе вдруг стало нестерпимо душно.

– У меня родители недавно умерли, – вдруг сказала она.

Энцо невятно хмыкнул в алой темноте.

– Они не были моими настоящими родителями, знаешь? – добавила I-45 после недолгой паузы. – Нашли меня или что-то в этом роде.

На сей раз не последовало даже хмыка. Должно быть, Энцо не захотел слушать ее болтовню и уснул.

I-45 скривила губы и уставилась в марево за стеной. В памяти всплыл бесстрастный голос и скупотмеренные слова легионера, который навел поселение под мостом за неделю до смерти мамы. «Надзирающий Отдел Управления Десятой курии», – сказал он тогда.

«Встать в центр комнаты, руки поднять».

Номера всегда подвергались особенному вниманию как нестабильные и склонные к насилию. Стучали выдвижные ящики, шуршало вывернутое на пол белье, звенела посуда. А I-45 стояла, поддерживая мать за морщинистую и странно легкую руку. Словно полую кость обтянули шершавой прохладной кожей...

Глаза защипало от слез, и она торопливо зажмурилась. Ткнулась затылком в мягкую спинку сиденья, сложила руки на груди и провалилась в тревожный алый сон.

* * *

За прозрачной стеной купе проносились долгие стадии красных песков. У горизонта они смыкались со столь же кровавым небом. Тусклый пятак луны едва пробивался сквозь туман с рыжей взвесью. Его свет выхватывал торчащие то тут, то там остовы древних небоскребов и брошенных установок. Вдали блестели воздушные купола действующих шахт. Как пузырьки в воде.

Издержки – в графе с именно таким названием Служба Контроля отмечала убывших рабочих, освобождала регистрационные номера и присваивала их кому-то еще. Новому родившемуся муравью. Энцо даже не знал, что было хуже: когда папаша сбегал (как, например, сделал его собственный) или когда любимого отца, кормильца семьи, заливало радиоактивной водой в шахте, после чего добывающая компания отмечала эту смерть как месячную «издержку».

Энцо глянул на бледное и узкое лицо слепой. На скуле размазанная кровь, разбитый нос, распух, старый синяк под глазом уже начал светлеть. Заметив, как дрожат ее пальцы, Энцо недовольно цыкнул, снял куртку и набросил на тощие плечи. Тронул белую щеку.

Прохладная.

И мягкая, покрытая детским пушком.

Энцо оперся на кулак и вновь уставился на пропитанную радиацией равнину.

Должно быть, Малая тоже родилась в грозу. Потому ее и забыли на улице.

Энцо в глазури

– Булочная?!

Они сидели на людной, залитой светом улице. Не за столиком кафе, конечно, а на ступенях крыльца. Но жевали восхитительно мягкие булки, с которых на укрытые бумагой колени сыпалась сахарная пудра. Булки для патрициев – слишком дорогие для номеров, но Сорок Пятой и Энцо выделили четыре порции в честь новой работы.

Всюду слышались голоса: протяжная, высокая речь патрициев, электронное кряканье автоматов для чистки обуви, крики зазывал-номеров. Рокотали автомобили. Из булочной за спиной тянуло мукой и ванилью.

– Ну да. А ты чего хотела?

– Я... Я думала, что ты...

– Ты думала, я со своим имплантатом пойду воровать и чипы кодировать, да? – Энцо хмыкнул. – Я с этим завязал, Малая.

I-45 еще больше захотелось расспросить его о прошлой жизни. Сотни вопросов так и вертелись на языке. Кто он? Откуда? Чем занимался раньше? Но этот прекрасный день не хотелось портить плохими воспоминаниями.

Почему-то казалось, что у Энцо могли быть лишь такие.

Пальцы тронули ее подбородок, мазнули у уголка губ.

– У тебя сахар налип.

I-45 ударилась в жар. Сидела с грязным лицом, вот же... Она отвернулась и тайком вытерла рот. Место прикосновения горело.

Энцо поднялся со ступеней – широкоплечая тень заслонила небо. Зашуршал смятый пакет. Сорок Пятая неловко встала следом, рассыпая липкую пыль с коленей. Пальцы тоже слипались от растаявшей пудры.

– Наверное, я вся в нем, да? – пробормотала она и смутилась, услышав смех Энцо.

– На тебе не заметно. Ты сама как сахар.

И что ответить на такое? I-45 нащупала перила и заторопилась обратно в булочную.

Иногда казалось, что это происходило не с ней. Что совсем не ее взяли на работу на верхнем уровне Четвертой курии, дали денег и комнату в общежитии. И совсем не ее опекал сильный и добрый парень, похожий на бродячего пса.

Такого счастья она не испытывала никогда. Лучшие дни ее жизни.

* * *

Иногда Энцо ловил себя на мысли, что проживает лучшие дни своей жизни.

В булочной на Тициановом проспекте они устроились неплохо. Он перебирал сломанные детали в подвальной камерке, калибровал печи, чинил упаковочные машины, которые любили съедать бумагу, да так, что часть корпуса приходилось снимать. Новые машины хозяин производства покупать отказывался. Выходец из не очень богатой патрицианской семьи старался экономить на всем.

Малая заправляла мешалки для теста. Облизывала испачканные ванильной смесью пальцы, когда думала, что рядом никого нет. Вся в муке, которая удивительно подходила ее прозрачной коже, глазам и белым волосам. Казалось, она сама была слеплена из ванильного теста; кукла тонкой работы.

Так Энцо и запомнил эти дни: спокойные, с запахом ванили и машинной смазки. С ранними подъемами, тихим смехом, прогулкой от общежития до работы, цепкими пальцами на его локте. С разговорами; Энцо любил описывать все, что видел по дороге. Чувствовал себя

гордым старшим братом, когда учил Малую, как следовало себя вести. Куда бить, когда хватают за руку.

Такие были дни. Предсказуемые и уютно скучные.

Пока уют не нарушил гость.

* * *

– Здорово, – оскалился Егерь, привалившись на дверной косяк. Автоматическая створка долго думала, закрываться или нет, после чего мигнула индикатором и замерла в режиме ожидания.

В том же режиме замер и Энцо, чувствуя, как неприятный холодок взбирается по ногам. Он отложил чип, настройкой которого занимался, и свернул манипуляторы.

– Хорошо устроился. – Егерь тронул свисающую со стеллажа связку чипов. – В булочной, надо же. И в Четвертой курии. Аларих как узнал, сразу послал меня к тебе.

– И зачем? – Энцо подобрался на стуле. Ногами нащупал опору, чтобы быстро вскочить; сдвинул руку к лазерному резаку, который, весьма кстати, лежал рядом, под ворохом металлических стружек. С «Псами Свободы» стоило быть настороже.

– За булочками, ясен пень! – Егерь лающе рассмеялся. – Дело есть.

Энцо мотнул головой.

– Теперь с имплантами не бегаю. Передай Алариху, что я отдам всю сумму. Нужно время. Мы договаривались.

Он вживлял новую руку не для того, чтобы снова загреметь в крио.

Егерь прошелся вдоль стеллажей, что тянулись вдоль стен мастерской. Заглянул под крышку короба с крепежами, постучал по пластиковому боку. Хитро усмехнулся и с размаха уселся на стул напротив, раскинув длинные ноги. С ботинок посыпалась грязь.

– Ну это уж не тебе решать, когда и чем долг отдавать, ага? И я не про взлом говорю. Аларих выходит на местный рынок. В этом округе есть ребята, которым позарез нужны «жуки», – он указал на личный чип под кожей на запястье. – Но мы с ними пересекаться не хотим.

Энцо молчал. Это Аларих с «псами» были ему должны за кучу дерьма, которую он взял на себя. Договорились же. Дали денег, большую рассрочку. Но разве что докажешь? Уже нарисовался посыльный, не сотрешь.

Энцо знал, он знал, что не стоило к ним лезть.

– Нет.

Он обрубил поскучевшего «пса» жестом. Вытащил из кармана короткий кабель, нащупал под волосами за ухом разъем и вставил один коннектор в него. Другой протянул Егерю. Тот уставился на кабель с опаской, но все же придвинул стул и подключился. Запах его пота ударил в нос. По достижении определенного возраста все марсиане начинали пахнуть, как клетки в зверинцах. Что-то в генах, не иначе.

«Хорошо, – передал Энцо. – Могу прикрыть курьера. Где и во сколько?»

«Не. – Егерь мотнул головой, натянув кабель. – Сам пойдешь, один. Заберешь у нас, передашь клиенту. Наши не хотят светиться».

«А я хочу, по-твоему?»

«По-моему, ты по уши в долгах, крио. А долги надо отдавать. Один раз курьером сгоняешь. – Он поднял проколотые брови с кольцами серег. – Ерунда же, тем более для тебя. Два-Ноль-Шесть стремится «орликов» легиона? Что-то новенькое».

Какой отстой. Энцо не мог поверить, как все вывернулось.

Печи за стеной тихо гудели. Доносились голоса работников.

Егерь ждал ответа.

«Как девочка поживает? – Стальные зубы блеснули, когда он улыбнулся. – Я передал Алариху, что она умница».

Похолодев, Энцо уставился в плоские линзы его окуляров.

Этот урод не смеет упоминать Малую. Не смеет даже думать о ней. И что, во имя Марса, рассказали Алариху?

«Скажи, где ты ее откопал? Что за фигня у нее в голове? Легионерский имплант, что ли?»

Энцо поджал губы.

«Без понятия».

«Аларих хочет знать сколько».

«Что – сколько?»

«За сколько ее отдашь? – осклабился Егерь. – Она может нам сгодиться. Мы тебе долг простим».

Энцо фыркнул. Да за кого они его держат? В груди опять заворочалась злость. Двинуть бы Егеря в челюсть, чтобы стальные зубы полетели...

Но «псы» могли явиться к Малой. Они церемониться не станут. «Жизнь – как большая клетка», – говаривала мать. Нет в ней ни выбора, ни свободы, только их иллюзия. И будь готов сполна платить за любую свою удачу.

Энцо боялся представить, сколько придется заплатить за встречу с Малой.

Он сжал дрожащие пальцы в кулак, потупился и кивнул.

«Сам схожусь, курьером».

– Отлично.

Отсоединенный кабель стукнул коннектором по столу. Энцо напрягся, когда Егерь хлопнул его по плечу. Еле сдержался, чтобы не сунуть в рожу в ответ.

– Увидимся.

Он проводил Егеря до черного хода пекарни и проследил, как тот сел в машину. Ничего. Сбегает разок, и от них отстанут. Фигня дело, чего так распереживался?

Он вздрогнул, когда его локтя коснулись пальцы.

– Что-то случилось?

Малая смотрела сквозь него – как обычно. Раньше этот странный напряженный взгляд казался неприятным. После Энцо стал жалеть, что она не видит его лица.

Но именно сейчас он возблагодарил Марса, что Малая слышит только голос. Так врать куда проще.

– Все в порядке.

На ее лице расцвела робкая улыбка. Ссадины давно зажили – Энцо каждый вечер мазал их дешевым регенерирующим гелем из аптеки неподалеку. Точкой отмечал синяк на остром подбородке, проводил полосу по скуле, к грани белых волос. Малая при этом смотрела в пол; бесцветные ресницы подрагивали. Как крылья мотыльков, которых он видел над барханами в пустоши.

Энцо снова глянул в окно.

Машина Егеря уже уехала.

* * *

Груз передали следующим вечером. Сообщили место тайника, время и пункт назначения. Из лаборатории на другой конец курии.

Светиться ребята Алариха не желали.

Четвертая курия встретила его тенями верхних уровней – ослепительно-черных на фоне начавшего голубеть неба. Улицы тянулись между стаканами высоток. Вдали провыла сирена

легионерской машины, вдоль тротуаров прокатился сборщик мусора, всасывая бутылки, пакеты и осколки в неповоротливое хромированное тело. Энцо отступил, когда резиновые щетки коснулись его ботинок. Дотянул сигарету и бросил окуроч роботу. Пальцы живой руки замерзли и подрагивали.

Пора.

Энцо перехватил контейнер под мышку – левые номерные чипы брякнули о пластиковые стенки. Пробежался вниз по улице, мимо закрытых забегаловок на первых этажах небоскребов, мимо термы, у которой любили стоять проститутки всех возрастов и полов. Миновал голографическую рекламу местного театра. В ее сфере мелькали огромные лица актеров, приторные и ненатурально чистенькие.

Перед тонированными будками патрульных легионеров он завернул за угол и едва не споткнулся о спящего бродягу. Тот заворчал из-под спутанных седых волос. Энцо в ответ пнул его по ноге. Сделал одолжение – ночевки на улицах центральных округов грозят дубинкой по башке, хоть на верхних уровнях, хоть на нижних. «Орлы» легиона и патриции не любят грязь. Так что старому надо было топтать в канализацию; туда легионеры совались редко. Под землей свои законы.

Бродяга загремел ящиками, в которых спал, а Энцо уже бежал дальше, по сужавшемуся проходу к алому маячку борделя. Завидев в розовой тьме одну из девочек, он подмигнул – скорее по старой охотничьей привычке. Шлюха в ответ не улыбнулась. Смуглая, с татуировкой на лице, она следила за Энцо странно тяжелым, усталым взглядом. Темные завитки волос падали в декольте костюма из глянцевої кожи, обводя полукружью груди. Энцо одарил каждое из них вниманием (тоже по привычке), мотнул головой и зашагал быстрее.

Раньше ему такие бабы нравились, но сейчас что-то даже не тянуло.

Покупателя он нашел в конце ряда парковочных ангаров. Тот стоял, прислонившись к ребристому полотну рольставни, что закрывала вход. Плотную фигуру обтягивал костюм со светоотражающими вставками, лицо скрывал тонированный шлем – голова блестящая и гладкая, как у насекомого. В двух шагах серебрился аэроцикл с выключенными турбинами.

– Плутон? – спросил Энцо, не в силах отделаться от ощущения, что за ними наблюдают.

Покупатель не подал ни единого знака. Даже не свернул забрало шлема.

– От Алариха?

Энцо кивнул, не понимая смысла этих уточнений. Кто еще мог подойти к нему в пустом и темном проулке?

– За мной, – велел Плутон. Тяжело и неспешно двинулся за угол; эхо его поступи отыкалось от стен. Энцо поморщился, но все же пошел следом.

Передача товара слишком затягивалась и нравилась ему все меньше. Это дерьмово пахло. И, о Марс, как он оказался прав!

Почуввав запах кофе и металл табельного распылителя – фирменный аромат легионеров, – он отшвырнул контейнер и припустил в противоположную от Плутона сторону. В полете между домами заплясал маячок фонаря, и Энцо свернул в боковой лаз. Зацепился ботинком за выступающую трубу. Едва не прочертил носом.

Шум погони слышался все ближе; шаги, топот и рокот аэроцикла. Совсем как тогда. Совсем как семь лет назад. Под ногами хрустели использованные шприцы и осколки. За спиной разгорелся свет: усилилось уличное освещение. Значит, облава. В проулке, по которому он несея, фонарей не было, и это чертовски радовало.

Во тьме мелькнуло испуганное лицо какого-то номера. Энцо перемахнул его одним прыжком, оттолкнувшись от стены. Не останавливаться. Вот главное правило, когда убегаешь от легионеров. Не останавливаться ни за что и ни при каких обстоятельствах. Секунда задержки – и тебя схватят. Или, того хуже, подстрелят. Энцо много раз такое видел. Бах – и человек разлетается пылью.

Судя по топоту, номер тоже бросился прочь. Связываться с «орлами» никому не хотелось. Еще припишут соучастие и разбираться не будут. Над ухом свистнул заряд; крошкой разлетелся кирпич, осыпав лицо. Бахнул еще один, и позади упало тело. Номер не успел.

А Энцо мчался дальше.

Ближайший лаз в канализацию находился в двух кварталах. Только бы добраться да него, а там уже станет легче. Ищи-свищи его в тоннелях.

В «Эхо» – круглосуточный бар, чья вывеска мигала в тупике – Энцо влетел в самый тихий час. Замер, соображая, куда бежать.

Оглядел рыжий от дыма пластик на стенах с рисунком голых девиц, которые при скудном освещении сливались в единую многогрудую тварь.

Проекции змей, скользящие по потолку.

Ряд закрытых кабинок.

Пустую сцену с шестом.

Барную стойку с дюжиной кранов и рекламой психоделического «псиона» на торце.

Энцо облизнул губы и поймал взгляд старого бармена за стойкой. Тот качнул головой на дверь в конце зала, и Энцо бросился к ней.

За алым пластиком его ждала подсобка с выходом на кухню. Пара работавших на ней номеров скользнули по нему безразличными, красными от чада и недосыпа взглядами и продолжили разгрузку контейнера с полуфабрикатами. Энцо обошел их стороной. Втиснулся в заляпанную жиром капсулу подъемника для персонала. Вдавил локтем треснувший сенсорный экран.

«Гребаный Егерь! Гребаный Аларих!» – матерился про себя, пока подъемник сползал на служебный уровень. Сжал лицо ладонями, давя непрошеную панику. Четыре месяца. Всего четыре месяца на свободе и уже успел вляпаться.

Энцо запретил себе думать о крио и рывком сдвинул створку, вывалившись в холод стоянки, общей для зданий этого квартала. Через нее можно было добраться до пары спусков в канализацию. Десять минут к северу, если гнать на машине.

Он выглянул из-за капота. Покосился на алые глазки камер у потолка и быстро зашагал вдоль ряда припаркованных машин. Пока на стоянке царила тишина, но спокойствие это было обманчивым.

Выбор пал на черную «Терцию» – двухместную и неприметную колымагу, похожую на помятого жука. Взломать ее было проще, чем отлить в мусоросборник. Раз – из имплантата выехали тонкие манипуляторы, точь-в-точь паучьи лапы. Два – они ввинтились между боковым стеклом с водительской стороны и пластиковой прокладкой.

Спокойно. Без резких движений. Подключиться к системе управления, предупредить отправку тревожного сигнала на браслет хозяина и...

Машина заурчала, двери разблокировались. Бинго.

Энцо нырнул в салон. Водительское сиденье плотно обхватило спину, заиграло радио. Ремень безопасности он пристегивать не стал, на что машина отозвалась противным писком и утихла только после тычка по сенсорной панели. Второй тычок выключил радио.

Энцо опустил стекла и прислушался. Показалось, что вдалеке взревели турбины.

Он вырулил на проезжую часть и вдавил педаль газа в пол. Скорость «Терция» набирала лениво. Будто говорила: «Я – семейная машина. Для чистых и законопослушных патрициев, слышишь меня, псих?» Салон гудел от ветра, мимо со свистом пролетали колонны. За поворотом мигнули огни встречного авто. Энцо успел выкрутить руль, и машины разошлись, чиркнув крыльями.

На девятом крупном перекрестке дорога пошла под уклон. Очищенный воздух из систем вентиляции сменился спертым и жарким – дыханием истинной Земли. Еще немного. Энцо закусил губу и впился в руль так, что пальцы свело. Еще чуть-чуть...

Впереди показался аэроцикл. Тот самый, подставного «Плутона». Энцо с досадой крутанул руль. Машина накренилась, с заносом вписалась за угол. Слишком медленно, но больше «Терция» выжать не могла. Огни в зеркалах приближались, разгорались все ярче, слепя глаза. Мотор надрывался, кабина тряслась так, что, казалось, машина вот-вот развалится, выплюнув водителя под сопла аэроцикла.

Энцо взял ближе к стене и чуть сбросил скорость. Положил руку на кнопку блокировки. Когда впереди показалась полосатая дверь аварийного выхода, он выпрыгнул из машины и перекатился. Заляпанное грязью брюхо аэроцикла пронеслось над самой головой – пахло гарью и топливом. Прежде чем «Плутон» успел затормозить и развернуться, Энцо нырнул на запасную лестницу. Помчался наверх, перескакивая через заплывающие ступени. Со стоянки донесся грохот: похоже, «Терция» нашла себе место для парковки. Рев аэроцикла стих. Уехал – хотел перехватить на выходе.

Чертовы legionеры с их связью! Наверняка уже оцепили район и передали его координаты!

С верхней площадки было два выхода: на улицу и в подъезд колонны. Энцо выбрал последний. Хлопнул по экрану блокировки, но тот остался темным. Разумеется. На ночь двери в жилые блоки запирались.

Снова зажужжали манипуляторы. Подъездный замок оказался немногим сложнее замка «Терции». Энцо подключился, отправил несколько команд, и экран загорелся зеленым. В лицо дохнул поток спрессованных запахов: еды, мочи, сигарет и пепла, ржавчины и затхлой воды, пота, секса и болезни. Знакомая вонь человеческого муравейника. От двери через этаж тянулся слабо освещенный коридор с парой десятков квартир. Поодаль, у подъемника, он разветвлялся; там же искрил сломанный пульт экстренного вызова. Вместо камеры наблюдения из стены торчали провода.

На той же стене был намалеван номер дома. Разобрав его, Энцо ухмыльнулся. Наконец-то повезло! В этом блоке жил его старый поделщик, Ош Руфус. Приходилось пару раз его выручать, подкинуть денег взаймы.

Теперь в помощи нуждался сам Энцо.

Подъемник заскрипел, взбираясь на восьмидесятый этаж. Проклятая коробка еле тащилась. Двигалась в шахте рывками и порой сотрясалась так, что приходилось расставлять руки, упираясь в выцветшие пластиковые стены. После отметки пятидесятого этажа Энцо перестал их опускать – на случай, если дно кабины все же решит оторваться. Лампочка над головой потрескивала, моргая в такт судорогам лифта. Следом по шахте взбиралось эхо чьей-то пьяной брани. То еще местечко.

Восьмидесятый этаж был погружен во тьму. Энцо принахался, прислушался и лишь после выбрался из кабины на твердый бетон. Нашел нужную дверь и постучал.

– Кто? – отозвались из квартиры. – У меня есть «гидра», и она смотрит тебе в пузо, м...к.

– Ты кого м...ком назвал? – с усмешкой ответил Энцо. Замок щелкнул, и дверь отъехала в сторону, выпустив бородатого и патлатого Руфуса. Комнатку за его спиной заливал чайный свет, виднелся набитый хламом шкаф и кухонный модуль. Пахло соевым бульоном. В отдалении чирикало телешоу. Кому-то тоже не спалось.

– Какими судьбами? – поинтересовался Руфус.

Энцо оперся на дверной косяк.

– Угол найдется? Пожрать, поспать. Переждать денек.

– Послушай... – Руфус замялся. Его и без того печальное лицо вытянулось, и Энцо понял все без лишних слов.

– Ясно. Бывай.

Он отступил во мрак, судорожно соображая, в какую сторону бежать.

– Пойми, у меня дети тут...

Энцо коротко кивнул. На оправдания, извинения и прочую чушь времени не было. Выбрав направление, он зашагал по коридору, хрустя сором под ботинками.

– На двухсотом мост есть, – крикнул Ош ему вслед.

Хоть что-то.

На этот раз Энцо выбрал лестницу. Побежал через две ступеньки, цепляясь за гнутые перила. На стене вереницей проносились огоньки индикаторов движения, свет над пролетами загорался и угасал. На площадке тридцатью этажами выше курил номер с осунувшимся синеватым лицом. Проследил за Энцо напряженным взглядом, положила руку на пояс.

Энцо пролетел мимо.

Взбирался выше.

Еще выше.

На двухсотом этаже площадку заменил холл с мусоросборником и автоматом с напитками. За мутным стеклом двери виднелся пешеходный мост – полупрозрачная труба между двумя зданиями. Говорили, что по паутине таких переходов можно добраться до другого конца курии; просто надо вовремя сворачивать, чтобы не угодить в тупик.

Энцо знал по опыту: это не просто слухи.

Он расчехлил манипуляторы; те заскрежетали по пластине вокруг замка. Но ввинтиться под крышку не успели.

Замок щелкнул, заблокировался намертво. Полное отключение. Холл окрасился пурпуром, взвыла сигнализация. Голос из немногих рабочих динамиков в стенах приказал жителям вернуться в квартиры и не мешать работе легионеров.

Не сопротивляться при обыске, вот что это значило на языке номеров.

Сердце заколотилось в такт паузам sireны. Энцо облизал пересохшие губы, глянул в зазор между пролетами. Наверху – тупик. Первые этажи наверняка перекрыты легионерами. Лифт не работает. Мост заблокирован.

«Думай, думай».

Он посмотрел на решетку вентиляции в углу холла. Обхватил тумбу мусоросборника, прижавшись щекой к холодному боку, и сдвинул с места. Мусоросборник протестующе запищал, заскрежетал ножками по полу. Протолкав его до стены, Энцо встал на крышку. Выкрутил крепления решетки, выдрал ее из пазов, подтянулся и заполз в воздуховод. Еле протолкнул плечи в узкое отверстие. Можно было лишь ползти вперед. Энцо и пополз, сдвигая плечами и животом пласты черной пыли и высохшие трупки крыс.

Центральная вентиляция этой колонны не работала давно; обслуживанием района на окраине никто не занимался – ни власти курии, ни жильцы. Воздух стоял спертый, кислый. Через пару метров короб расширился, ушел наверх. Энцо полез, упираясь в гулкий металл коленями и ботинками. Он помнил этот путь из прошлой жизни. Сколько раз убегал от легионеров: один и в компании, под обстрелом, раненый, с грузом. С отрывом и в дикой спешке.

Стоило догадаться, что он снова окажется в бегах. У богов для каждого свое веретено; так говорила одна баба, у которой он раньше зависал. Любила покурить и потрепать языком, пока клиент одевался. Как ни старайся, от себя не убежишь, говорила.

Наверное, была права, дура крашенная.

Еще рывок – медленный, с натугой, позвоночник скребет по металлу – и Энцо вытянул ноги, ввинтился в горизонтальный отросток вентиляции. Немного прополз на зад и выбил решетку ногами. Раньше на ее месте стоял блок воздухозаборника – давно неисправный и выбитый тем же Энцо лет десять тому назад. Хорошо, что управляющая компания пожалела денег и не заделала дыру намертво.

Прозрачная закругленная крыша моста была влажной от мороси. Ботинки заскользили, и Энцо взмахнул руками, удерживая равновесие. Глянул вниз, в пропасть двух сотен этажей. Там ползли точки машин, проспекты сливались на горизонте, где вспыхивали храмовый комплекс

и аэровокзал. Далеко, даже в животе похолодело. Ветер подталкивал к краю перешейка; уши заложило от его свиста.

Собраться. И поторопиться. В конце концов, сколько раз он проделывал такие трюки? С десяток точно. Все же получалось, значит, получится и на этот раз.

Энцо пригнулся. Сделал шаг. Поймал равновесие и сделал еще один. Отросшие пряди упали на глаза. Энцо фыркнул, тряхнул головой.

И ругнулся, заметив движение впереди.

Навстречу, со стороны смежной жилой колонны, шла баба. Та самая шлюха с татуировкой на лице. Она не морщилась от ветра, шагала быстро и уверенно, как по тротуару. В руке поблескивала металлическая дубинка. Шлюха встряхнула ее, щелчком выдвинув на метр, и Энцо отступил.

Легионерская дубинка била больно. Во время последнего с ней знакомства ему сломали пару ребер и челюсть.

Краем глаза он покосился через плечо, на отверстие воздуховода. Отвлёкся и тут же за это поплатился – конец дубинки ткнул в солнечное сплетение, ослепив на мгновение. Еще удар в колено; то вспыхнуло болью, подогнулось, и Энцо рухнул. Упал поперек моста. Голова повисла над светящейся миллионами огней пропастью. Предугадав рубящий удар сверху, он перекатился. Дубинка врезалась рядом с плечом – так, что стекло треснуло.

Энцо вскочил на ноги, смахнул влажные волосы с лица. Руки и ноги не подставлял, бить не пытался – в ближнем бою он был обречен. Следил за бабой, а баба следила за ним, перехватив дубинку обеими руками. Опытная, непростой противник. Простых в легионеры не брали.

Она шагнула, тесня Энцо к стене. Глаза щурились, губы кривились. Ветер завыл сильнее, рванул ее черную гриву.

Мелькнула дубинка. Энцо не успел закрыться. Обрушилась боль, и он согнулся, ловя дыхание. Отступил, коснувшись лопатками стены.

Что за подстава? Он должен выбраться. Должен добраться домой во что бы то ни стало.

Ведь там его ждут.

Сплюнув, Энцо шагнул вперед, ухватил дубинку обеими руками. Оттолкнулся от стены и перебросил себя через легионершу. Оба повалились. Под спиной заскользила крыша, тело съехало куда-то под уклон. Перед глазами снова мелькнули далекие огни автострад.

Энцо прилепил ладони к стеклу.

Медленно подтянулся, перевернулся и припустил во весь опор. Впереди светлел распаханый технический люк моста. Энцо впрыгнул в него с разбега, перекатился уже внутри моста и выбежал через раскрытые шлюзы на лестничную клетку. Наверняка баба сейчас локти кусала, что не заблокировала за собой ходы.

Энцо скатился кубарем по ступеням. Перепрыгивал целые пролеты, вписывался в повороты, цепляясь за перила. За спиной загрохотали ботинки – легионерша не отставала.

В голове помутилось от карусели пролетов. Топот за спиной отдалился. Энцо на радостях припустил еще быстрее. Вылетел на стоянку и помчался вдоль ряда машин. Запетлял между ними, выбирая лучшую для угона.

Остановился.

Присел.

Прислушался.

За колоннами мелькнула тень. Заметив ее, Энцо торопливо ввинтил манипуляторы в замок. Сердце колотилось, даже уши заложило. Скорее же, скорее...

По крыше машины грохнули ботинки, и сверху обрушилось чужое тело с запахом крашеной кожи. Верхние фаланги раскрытых пальцев затрещали и оторвались, остались висеть рваной гирляндой. Энцо влетел лицом в стену. Нос хрустнул о бетон, вспыхнуло болью. Легио-

нерша кружила, облизывала окровавленные губы. На шее темнел выбитый номер. Энцо скривился. Номер на службе имперского легиона – отврат, да и только.

Он ухватился здоровой рукой за шасси и пнул легионершу в голень. Она со вздохом отступила, пнула в ответ, загнав Энцо обратно под машину. Ее ботинок вдарил по стойке шасси, и та сложилась. Энцо едва успел выкатиться – машина упала в сантиметре от лица, прищемив рукав.

Он разодрал застежку, выпутался из куртки.

Вскочил – и получил в нос. Хрустнуло, ослепила вспышка боли. Энцо перекатился через капот. Уперся плечом в крыло машины и толкнул. Легионерша вовремя отскочила, машины лязгнули, врезавшись друг в друга. Зазвенело выбитое стекло.

Издали донесся вой сирен.

Еще хуже.

Энцо оценил бабу снова и на этот раз смотрел не на сиськи. Развитые плечи, крепкие ноги и спокойный взгляд – опытный боец. Да и разбитый нос Энцо говорил о том же. Дубинку она успела потерять и теперь просто сжимала кулаки.

Сам Энцо хитростями единоборств не владел. Всегда предпочитал грубый бой – ударить разок, но так, чтобы противник уже не встал. И, сказать честно, ему было плевать, кого бить. Полезла баба-марсианка, да еще и из легиона? Она получит сполна.

Но от этой конкретной бабы получил сам Энцо. Один раз в живот. Один раз головой в колонну. Он в долгу не остался: бросил легионершу на капот, так, что та вскрикнула. Дважды угодил на него сам, пробив затылком лобовое стекло. Весь в крови и крошке стекла, упал на асфальт. Огрызок собственного имплантата вспорол ему щеку.

Подняться не успел – в подбородок уткнулась лазерная спица.

– Не дергайся.

Наручники пискнули, стянув запястья. Энцо рыкнул, попытался сбросить легионершу с себя, но та ударила его в челюсть. Аж перед глазами потемнело.

– Сказала – не дергайся.

Она склонилась, часто дыша. Темные глаза смотрели с презрением. Вблизи стала заметна другая татуировка – орел легиона над ключицей у воротника. Край черного крыла.

– Будь паинькой, или останешься без головы. Понял?

Энцо нахмурился, но все же кивнул. Легионерша тоже кивнула и медленно выпрямилась.

Их ждали у выхода со стоянки. Вдоль бетонных стен гуляло эхо торопливых шагов, тоннель гудел сиренами. Энцо слизнул кровь с разбитой губы и пересчитал собравшихся легионеров. Все настороженные, серьезные, как на опасном задании. Загнали курьера с грузом, герои.

– Бритва, – окликнул молодой легионер в экзоскелете. – Что за улов?

Бритва без церемоний оттянула воротник на шее Энцо, обнажив выбитый номер.

– Двести Шесть, Пятая курия.

Она подтолкнула его в сторону синих машин Управления, рядом с которыми ожидал «Плутон» – в том же мотоциклетном костюме, но уже без шлема. Половину лица наискось уродовали бугристые шрамы. Другую половину заменяла пластина из биометалла. Не будь Энцо так больно и паршиво, он даже бы восхитился работой хирургов: замена челюстного сустава, вместо глаза – армейский окуляр для оптической винтовки. Серебристые, почти незаметные нити скоб тянулись через коротко стриженную макушку. Настоящее произведение искусства.

Энцо перевел взгляд на обломок собственной руки. Вместо доброй половины пальцев свисали провода. Вот же... Ему стоило таких трудов собрать на нее денег.

– Больше никого? – «Плутон» рассматривал Энцо, как прибывший на склад товар.

– Так точно, центурион, – в тон ему ответила Бритва.

«Плутон» кивнул, и Бритва повела Энцо к машине Управления с приветливо задранный дверцей. Надавила ему на затылок и втокнула в салон. Дверь опустилась с тихим щелчком, разговоры и вой сирен стихли.

Энцо откинулся на занюханное пластиковое сиденье и уставился на силовое поле между собой и передними сиденьями. В салоне пахло старым потом и кровью. И любимым легионерами гарумом. Уж эти-то пожрать не забывали.

Энцо скрипнул зубами. Что ж... Он еще раз попробовал выдвинуть из пальца единственный целый манипулятор, но тщетно. Имплантат не послушался. Наручники так и остались закрытыми.

Он закусил разбитую губу, чувствуя на языке кровь. Сто тридцать дней. Его отпуск на свободе оказался совсем коротким.

* * *

Зря Малая на него положилась. Он в который раз представил себе легкие белые волосы, хлопковым пухом оседавшие на руке, когда слепая засыпала на его плече. Сбивчивое дыхание. Едва слышный стук сердца за хрупкой клеткой ребер – Энцо слышал его ладонью, там, на пустоши.

Хреновый вышел из него опекун. Делал не то и думал... Он прерывисто выдохнул, когда в паху потяжелело. И думал совсем не о том, о чем следовало думать.

Пульверизатор заурчал, и он пошатнулся под струей воды. Закрыв глаза, пережидая морозный дождь с привкусом металла и следующий за ним порыв горячего воздуха из сушилки. Все так же, голышом, его конвоировали в следующую комнату. Завидев гостеприимно распахнутые гробы криокапсул, Энцо сдавленно замычал. Ноги ослабели и подкосились, но щелчок распылителя в руке охранника заставил идти дальше.

За пультом управления в углу криоприемной сидел лаборант в белом халате поверх облегающего армокостюма. Даже не оторвал взгляда от светящейся над пультом проекции; жевал жвачку так, что его челюсти грозил вывих.

Часто дыша, Энцо встал в ложе капсулы, которое располагалось под небольшим углом к полу. Влажный бипрен прилип к лопаткам. Так же понуро заняли места остальные участники процессии. С синими от холода и страха губами. Голые – заключенным криокостюмы не полагались.

В начале ряда капсул зажужжал аппарат – бочка с манипуляторами. Подъехал к первому заключенному из ряда. Клешни выдвинулись и вцепились так резко, будто хотели выпотрошить тело.

Энцо отвернулся и прикрыл глаза. Нужно было думать о хорошем. Нашупать хоть что-то хорошее в заблокированной паникой памяти. Что-то из детства. Но на ум приходила только сестра – в желтой форме работницы фабрики, какой Энцо видел ее в последний раз, перед заморозкой на семь лет. После деконсервации он чуть не бросился с моста, узнав, что торопился домой напрасно.

Может, когда он очнется в следующий раз, то же сообщат и о Малой.

«Сбита машиной», – скажут они.

«Замерзла на улице».

«Без вести пропала».

«Изнасилована и убита».

Ее лицо виделось как живое. Худое и острое, словно вырезанное из белого камня. С большими, на пол-лица, глазами цвета ртути.

Он обессиленно качнул головой. Даже не успел попрощаться.

Жужжание аппарата приблизилось.

Энцо задышал быстрее. Дернулся, когда металлические клешни облепили лицо и разжали челюсти.

– Не глотай. Носом дыши, – безразлично предупредил его кто-то. Видимо, лаборант за пультом управления. В горло протолкнулась жесткая трубка, оцарапав небо и гортань. Затошнило. Аппарат загудел громче, и желудок похолодел от втекшего физиогеля. Предплечье укусила игла, и Энцо обмяк, повис на ремнях. Смутно, через дымку наркотика почувствовал другие иглы – капсула подключалась к его телу и переходила на самообеспечение.

В затылке кольнуло.

Странное состояние – пребывание в крио. «Рациональное использование человеческих ресурсов на благо общества» – так они это называли. «Безопасная технология, дополнительное хранилище данных». Волшебная штука, которая позволяла использовать на полную катушку даже самый выжженный наркотиками мозг. Добавляла его в информационную систему на орбите, наполняла кодами, стирала их и наполняла заново...

И вопреки всем авторитетным мнениям, одобрениям комиссий по защите прав номеров Римской империи и опытам, проведенным над заключенными, сознание во время заморозки работало. Сознание Энцо работало после того, как крышка капсулы захлопнулась и за миг покрылась инеем. Мысли кружили разрозненными обрывками, словно испорченные дроны. Порой они соединялись в воспоминания и планы, в разговоры из прошлого. В чужую, ненужную информацию, которая текла через его мозг. В затылке назойливо жужжало, и от этого зуда хотелось орать.

После крио частенько сходили с ума, и Энцо знал почему.

Зрячая незрячего

– Лабиринт был темный, ничего не видать, но Тесей шел дальше. За каждым поворотом под его ногами хрустели кости. Издали слышался рев Минотавра. Монстр был голоден и чувал человеческое мясо.

– Почему Тесей не убежал? – перебил Тиберий Младший, один из трех сыновей булочника Цепиона. – У него же была нить. Он мог выбраться и уплыть обратно в Афины.

Малая довольно улыбнулась и отложила вилку. Мораль была любимой частью истории.

– Конечно, мог, но для Тесея была важнее справедливость. Не убей он Минотавра, афиныне продолжили бы приносить людей в жертву.

Ей нравилась эта легенда. У Тесея – того Тесея, образ которого сложился в воображении, – имелись *принципы*.

Тесей бы не бросил человека в беде только потому, что тот номер.

Тесей бы не поднял руку на девушку. Особенно на слепую девушку. Не чета многим патрициям Римской империи.

– И потом... – Она провела руками по столу, совсем как сказитель по струнам инструмента: по меньшей мере Гомер из древних времен. – Тесей услышал топот за спиной!

Дети ахнули.

– Но у него был меч, который дала ему Ариадна...

– Что такое «меч»? – на этот раз перебил Марк, средний сын.

– Древнее оружие.

Честно говоря, Малая сама слабо понимала, как выглядел меч. Но Тесей проткнул им Минотавра, значит...

– И выглядел он как большая игла.

Дети понимающе замычали. За их расплывчатыми тенями перемигивалась цветом и светом настенная панель. Краем уха Малая слышала обрывки новостей: что-то про запуск новых моделей личных челноков, смерть уважаемого патриция из центральной курии и ночную облаву на окраине Четвертой. «Задержан на подземной стоянке», – сказали они.

Скукота.

– Тесей ухватил Минотавра за рога и убил его мечом. Затем вывел людей из лабиринта и вернул их в Афины.

Сказки ей рассказывала мама, когда на мосту проводили ежегодную смену покрытия, и машины выстраивались в бесконечные пробки. Ночь наполнялась ревом турбин и сигналами, тарахтели строительные роботы, воздух горчил отработанным топливом. Шумно, людно. Не уснуть. А мама сидела на кровати рядом, гладила по плечу и тянула очередную историю. Слова терялись в пыльной тьме, и вслед за ними приходил сон.

Как иногда хотелось снова стать маленькой! Никаких забот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.